Виктор Алеветдинов

Седьмая опочивальня для злодея

Книга 2

Дверь для непрошеной любви

Романтическое фэнтези

Виктор Алеветдинов

Дверь для непрошеной любви

«Автор»
2026

Алеветдинов В.

Дверь для непрошеной любви / В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Хороший жених держит слово. Мой держит заложников.Среди них — мой четырнадцатилетний брат. Отец называет будущий брак примирением домов. Мне остаётся войти во дворец, улыбаться жениху и найти способ вывести двенадцать человек до свадьбы.Для этого нужен Родион. Он умеет открывать двери между пространствами, но прийти вовремя на свидание для него почему-то сложнее. Пока мы ищем путь для пленников, я всё чаще думаю, каково это — ждать его дома. Только будущее рядом с ним в планы моей семьи не входит.Во дворце даже забота может оказаться ловушкой, а открытая дверь — вернуть тебя под чужую власть. Жених уверен, что я никуда не денусь. Он ведь держит самое дорогое.Успею ли я освободить брата, прежде чем сама стану платой за его свободу?Вторая книга трилогии «Седьмая опочивальня для злодея».

© Алеветдинов В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Обещание за чужой счёт 5
Глава 2. Дом, который вернули 12
Глава 3. Невеста по договору 18
Глава 4. Помоги мне войти 25
Глава 5. Список оставшихся 31
Глава 6. Чертёж с одним хозяином 38
Глава 7. Время, которого не назвали 44
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Виктор Алеветдинов
Дверь для непрошеной любви

Глава 1. Обещание за чужой счёт

Лада

Отец налил мне молока и велел есть, а сам развернул письмо от Сомовых. На карте за его спиной у двух пограничных постов были перечёркнуты сроки поставок. На подоконнике сохли дорожные перчатки.

Наш обоз задержали на Сомовском участке. За прежнюю плату охрану больше не предоставляли, а новую сумму распорядитель не имел права обещать. Две повозки пришлось оставить, чтобы остальные успели уйти до закрытия дороги. Пока слушала, прикидывала, какой запас есть на другом тракте. Отец знал бы его лучше, но подсчёт помогал не перебивать.

— Фёдор почему не договорился? — спросила наконец.

— Ему не дали выехать.

Поставила чашку.

— Лисицыну?

Отец кивнул. Распорядитель наших обозов находился при Сомовском дворце вместе с Саввой и другими людьми, оставленными по пограничному соглашению. Прежде это называлось обучением, совместной службой и гарантией добрососедства. На прошедшей неделе отец потребовал вернуть Савву домой. Получил ответ, что отъезд отложен до восстановления взаимных обязательств.

Савве было четырнадцать. В последнем письме он жаловался на наставника, не позволявшего переделать учебную печать. Ничего об отказе выпустить его домой там не было.

— Что именно мы нарушили?

— Они связывают прекращение части поставок с нашим участием в столичных событиях.

— Поставки остановились после того, как закрыли дорогу.

— Это написано в ответе, который уже отправлен. Савва от этого не вернулся.

Два дня назад в приёмной Палаты согласия между стульями едва оставался проход. Отодвинула своё кресло и предложила женщине с дорожной корзиной место у окна.

— Благодарю. Отсюда дверь видна.

Она осталась сидеть, прижав корзину коленями. Пришлось обойти её боком.

На столе секретаря лежала опись моего закрытого допуска. Аглая воспользовалась меткой для архивных оттисков, хотя разрешение давалось только на чтение. Теперь из-за проверки чужие выписки застряли среди закрытых приложений. За шесть недель дело сменило три обложки.

С этим собиралась справиться до полудня, потом отвезти деньги в мастерскую и поесть сидя. Женщина у окна положила на секретарский стол два сложенных листа.

— Моё заявление здесь?

Секретарь сверил номер и придвинул ей первый лист.

— Ваше дело включено в общую опись. Повторное обращение принято, рассмотрение...

— Это третье.

Он перевернул страницу.

— В объединённом деле оно второе.

Женщина выложила третью квитанцию. На каждой проступил затёртый пальцами сгиб.

Лукина, мастерица по подкладкам. Без выписки о прекращении лечебного надзора ей не давали на дом дорогую ткань. Из лечебницы она ушла законно; подтверждение лежало в закрытых приложениях.

— Ограничение было временным, — объяснила ей. — Пока проверяли сохранность записей. Сейчас составим отдельную выдачу.

— Вы в прошлый раз тоже сказали «сейчас».

Помнила. В прошлый раз добилась, чтобы заявления приняли без новой платы, и сочла дело решённым.

— Проверка защищала ваши сведения. Их могли использовать...

— Для работы мне нужна выписка. Вы можете её дать?

Служительница принесла чай в чашке без ручки. Разбитая в день дворцового боя больше не становилась целой поутру; на новую казначейство не выделило денег.

Попросила показать основание закрытия. Секретарь указал на мою подпись. Срока в записи не было. Ниже собственной рукой приписала, что неотложные обращения рассмотрят отдельно.

Заявление Лукиной лежало под этой припиской.

— Вы отметили его как неотложное? — спросила у секретаря.

— В нём не указана угроза здоровью.

— Угроза заработку указана.

— Для этой отметки нужна была резолюция.

Место для резолюции осталось пустым. Зато дату, перепутанную секретарём, тогда исправила.

Лукина потянулась к корзине. Из-под салфетки показался угол дешёвой саржи с уже проложенным швом.

— Эти вещи дают без бумаги, — пояснила она, заметив взгляд. — Остальные больше не дают. Если до обеда ничего не выйдет, скажите. У меня работа на завтра.

Подвинула заявление, написала разрешение на выдачу выписки. Соседний лист тоже оказался закрыт общей пометкой.

Секретарь напомнил об описи.

— Позовите хранителя приложений.

— Он освободится после общего чтения.

— Тогда пойдём к нему.

Лукина поднялась вслед. Объяснила, что её позовут к выдаче, а пока можно остаться. Она выслушала, но корзину уже взяла.

— Дойду до двери. Потом решу.

У служебной лестницы застала хранителя с чашкой в руке. Показала свою подпись и потребовала сверить лист при мне. Ещё надеялась на недоразумение.

В первичной записи надзор прекратили, а в справку продолжали переносить «до завершения проверки». Хранитель согласился исправить её, если назову ответственного за отдельную выдачу. Назвала себя и дождалась, пока впишет имя.

Лукина прочла справку дважды, уточнила, не понадобится ли ещё печать, и убрала её между двумя дощечками в корзине. На лестнице задержалась, пропуская человека с больной ногой.

В приёмной секретарь приготовил итог: «Ограничения выдачи сняты, заявительницы уведомлены». Попросила убрать вторую половину. Уведомлена была одна.

До полудня оставалось четверть часа. Взяла следующую папку, придвинула свободный стул к столу и спросила ожидающую женщину, удобно ли ей здесь сесть.

В мастерскую за городской стеной добралась, когда там уже обедали. Аглая сидела у открытого окна с тарелкой на коленях и придерживала локтем письмо, которое норовило улететь в сад. При моём появлении опустила тарелку на подоконник. От этого простого движения стало досадно: стоило бы прийти на полчаса позже и дать ей спокойно доесть.

— Продолжай, — сказала, выкладывая на стол кошелёк. — Привезла остаток платы за временную помощь Дарье. Здесь расчёт, всё оплачено.

— Сядь. Там есть ещё хлеб.

Раньше она подвинула бы свою тарелку без приглашения. Теперь отломила кусок сама, выбрала стул подальше от разложенного заказа и только потом заметила, что Аглая освободила край стола именно для меня.

Рядом с записями о чужом сне сохли две пластины с Аглаиным именем, без придворной должности. Завтра ей предстояли три дня дороги к Верескам, где ждал следующий заказ. О месте в Палате она не спрашивала.

Пока она проверяла расчёт, заметила ушедший под воротник шнурок. Рука уже поднялась поправить; указала, где зацепилось. Аглая освободила шею и вернулась к цифрам.

— Дарья подписала получение? — спросила она.

— Да. Свою часть забрала. Дальше рассчитывается сама, как и хотела.

— Хорошо.

Хотелось принять это «хорошо» целиком на свой счёт. Взяла второй кусок хлеба.

Аглая вернула мне экземпляр с подписью. Краем ладони стёрла крошки с места, где предстояло писать.

— Разбор допуска закончили?

Рассказала про Лукину и оставшиеся обращения. Аглая не перебивала.

— Свою запись об использовании метки дала, — сказала она. — Если хранитель опять станет объяснять всё твоим разрешением, покажи ему её.

— Уже показала.

— Понадобится ещё подпись — пришли сюда, Серафима передаст.

— Я разрешила только чтение, Аглая.

— Знаю.

Она не оправдывалась результатом. За взятую метку отвечала сама, а за застрявшие заявления предстояло отвечать мне.

— У меня тогда были основания не разрешать оттиски, — всё-таки сказала.

Аглая отодвинула тарелку.

— Были. Этого права у тебя никто не отнимает.

В саду стукнула калитка. Вошла Авдотья, неся сумку так бережно, будто внутри лежало горячее блюдо. Раньше она начала бы с нетронутой еды, открытого окна и моего опоздания. Сегодня попросила убрать со стола то, что может запачкаться, и достала плоский футляр.

Аглая накрыла пластины. На чистую ткань легло кольцо тёмным камнем вверх. Авдотья попросила закрыть дверь.

Личный отклик, найденный Серафимой с Авдотьей, не объяснял, как кольцо попало в карман Седьмой опочивальни. Адреса оно не давало.

— Получила выписку о погребении, — сказала Авдотья. — Сегодня разрешили сверить приложение.

Развернула лист и попросила ещё раз назвать имя для запроса.

— Павел Ильич Ордынцев. Мастер пространственной записи. Писался по служилой ветви, служил при дворцовых работах. Дома жил мало.

На последнем слове она задержалась, потом подвинула ко мне бумагу.

— О семье рассказывал?

— О работе охотнее. По фамилии родство разбирать тогда не требовалось. Сейчас тоже не стану придумывать. Вот что было в его служилой выписи, это всё помню.

Выписку сделали с книги за год погребения; сегодняшняя заверка удостоверяла выдачу, а не то, что случилось тридцать лет назад.

Кольцо значилось среди личных вещей в отдельной укладке. Ниже шли служебные покрывало и пришитый к нему карман: их предписывали вернуть после обряда. В основной записи о погребении этого не было.

— Кольцо положила в гроб сама, — произнесла Авдотья. — До того проверяла пайку. Потом расправила покрывало.

— Здесь написано, как его приняли до обряда. Куда кольцо положили после, не записали.

— И о кармане нет?

Показала ей строку. Она наклонилась так близко, что край седой косы коснулся ткани под кольцом.

— Покрывало приняли обратно, — сказала Аглая. — А куда?

Внизу стоял номер старого служебного хранения. Дальнейшую передачу требовалось запросить отдельно.

Авдотья выпрямилась.

— Принесу свою рабочую книгу. Там даты продлений. Не все записи хотелось бы показывать, но принесу всю.

Аглая зарисовала строку с её разрешения. В слове «продлений» оставалось больше, чем в выписке.

Составила запрос на осмотр покрывала, приложила опись находки. Указала старый шов и проверку сохранности. Предполагать живого владельца кольца бумага не позволяла.

— Похоже на просьбу починить ветхую вещь, — заметила Авдотья.

— Осмотреть. На починку разрешения пока не просим.

Она посмотрела на приготовленную строку для подписи, затем подписала.

Вторую копию выписки оставили независимому писцу с отметкой о приёме. Авдотья убрала кольцо в футляр. За покрывалом ещё предстояло добраться.

Перед уходом Аглая завернула мне хлеб. Сказала, что на кухне всё равно остаётся много. Взяла свёрток, не спрашивая, помнит ли она, сколько обычно нужно на одну мою поездку. Во дворе пришлось задержаться, чтобы освободить в сумке место между описью и выпиской: смять её заботу бумагами не хотелось.

На следующий день в малой приёмной царицы пришлось пропустить вперёд людей с дорожной грязью на сапогах. Их привезли прямо с переправы: мостовые цепи требовали замены, а казённый обоз уже ждал на ближнем берегу. Два носильщика внесли обломок звена на деревянном щите. Оставить железо в коридоре не позволили; Елена велела поставить его возле стола, где лежали прошения о расходах.

Поверенный Грановых, расправив полы, едва не наступил на принесённую цепь. Сдвинулся к окну и начал заново.

Елена слушала стоя. Корона лежала позади неё; для разбора хватало простой застёжки у ворота. Один проситель обратился к ней «ваше высочество», поправился и забыл, о какой сумме говорил.

Грановы предлагали оплатить переправу, охранять обозы и простить часть долга за переходы. Взамен просили дорожный сбор на семь лет, без ежегодного пересмотра. За столько лет по ней успело бы пройти немало хлеба.

— Ваши люди уже собирают плату на двух участках, — сказала Елена.

— По временным договорам. Постоянное право позволит вложиться в дорогу.

— Сколько потребуется на цепи?

Он назвал сумму. Царица попросила отделить её от содержания охраны.

Пока казначей выводил новую строку, поверенный напомнил, кто поддержал наследное назначение в зале с разбитой чашей. Сказал это с достоинством человека, которому следовало быть благодарной.

— Поддержку помню, — ответила Елена. — Право сбора на семь лет не обещала.

— Тогда дом пожелает знать, чем обеспечена оплата.

Денег хватало на цепи либо на два придорожных поста до ближайшего поступления. Елена оставила плату посту у ожидающего обоза. На второй требовалось соглашение с соседним домом, ответа ещё не было.

— За цепи внесём часть сегодня. Остальное после проверки поставки. Охрану обсуждаем отдельно, на один сезон.

Поверенный не поспешил кланяться.

— Передам старшим. За такой срок они могут предпочесть другой заказ.

— До вечера буду ждать ответа. Если откажутся, назовите отказ до приёма денег.

Носильщики вынесли щит с цепью. Елена спросила, сколько обоза испортится до ремонта, и велела не убирать дорожное дело далеко.

Моё прошение о старом служебном хранении осталось под двумя следующими. Ждала, пока в приёмную не вошёл распорядитель свидетельств. Его слова заставили придвинуться ближе.

Один из домов требовал проверить предсмертное назначение Елены: не передала ли Бессонова государю внушённую формулу через лекарскую связь? До ответа предлагали отложить часть договоров, подписанных после коронации.

Первым говорил бывший дворцовый служитель. Его лицо помнила: во время боя помогал у внутренней лестницы. К царскому креслу его не подпустили, но он уверенно описывал, как после Аглаиных слов государь поднялся с левой стороны кресла и объявил дочь наследницей.

Попросила повторить последнее.

— Поднялся с левой стороны. Возле Бессоновой.

— Вы подошли тогда к креслу?

— Остался на лестнице. Там велено было держать проход.

— Оттуда были видны его ноги?

Он посмотрел на распорядителя, затем снова на меня.

— Видно было, что поднялся.

Второй свидетель стоял за наружными дверями, но тоже помнил подъём с левой стороны, возле Бессоновой. На третьем листе та же подробность была записана чужой рукой.

Пальцы вспомнили бумагу, которую держала писцу у нижней ступени. Царь тогда не вставал. Елена поддерживала его руку, Серафима сохраняла дыхание, Аглая держала лекарскую линию.

— Откуда эта подробность? — спросила у первого свидетеля. — О подъёме с левой стороны.

Он повторил, что видел. После нового вопроса о лестнице начал описывать служебную сводку, показанную в зеркале после погребения. Только там разглядел происходившее у кресла.

После суматохи им показали внятную картину. Вспомнилось, какое облегчение испытываешь, когда наконец всё можешь себе объяснить.

Второй видел показ в другом доме, с другого зеркала. Оба оставались при своей уверенности.

Елена велела найти показания, сделанные до показа. Распорядитель назвал хранение и напомнил, что свидетели уточняли слова добровольно.

— Сохраните обе версии с датами. Запросите происхождение показанного образа. Людей до проверки не задерживать.

— Это не снимает вопроса о лекарской связи, ваше величество.

— Вопрос передадите врачам с первичными записями. Одного повторённого показа для нового решения недостаточно.

Договоры до проверки оставались в силе. Где их исполнят, распорядителю пришлось уточнять отдельно.

Елена опустилась в кресло. На щеке от руки осталась красная полоса. Попросила мою запись о том, что видела у царского кресла. Согласилась.

Перед уходом получила разрешение направить запрос о покрывале. Права забрать ткань оно не давало. Царица вернула перо казначею, и снова заговорили о переправе.

В коридоре ждал отцовский посыльный: явиться завтра утром и ждать разговора, сколько потребуется. Один прежний конверт так и лежал под заявлениями Палаты. На другой ответила, что приеду после разбора. На этот раз посыльный дождался меня лично.

Теперь, у отцовского стола, хотелось вернуть день, когда Савва только собирался в дорогу. Тогда выпросил старый футляр для печатей: две ячейки треснули, но для резцов подходили.

— Он знает, что вы требовали его вернуть?

— Передать напрямую пока не удалось.

Пододвинула лист и начала писать, не дожидаясь просьбы. Нужно было разделить спор о поставках и выезд учеников. Оплатить спорную часть без признания остального, назначить внешнего получателя, потребовать предъявить людей свидетелю. На втором предложении отец сел напротив. Дождался, пока допишу строку, и положил рядом другую копию.

Там уже были и оплата, и свидетель, и требование не смешивать обязательства. Сомовы соглашались обсудить всё после нового обеспечения договора.

— У Елены есть люди для сопровождения, — сказала. — Можно обратиться через совет.

— Елена не может послать отряд в родовой дворец по одной моей просьбе. Или ты предлагаешь начать с него войну?

Перед глазами возникли щит с цепью и казначейский лист. Второй пост всё ещё ждал ответа соседей. Выпросить помощь было возможно; пообещать отцу, что её дадут вовремя, — нет.

— Обратиться всё равно нужно.

— Обратились.

Он принёс папку с копиями и открыл на месте, где лежала закладка. Не пришлось искать фамилию исполнителя: сама знала его по дворцу. Запрос приняли. Дальше стояла дата рассмотрения.

На свободном листе написала Аглае просьбу о консультации: нужно проверить, чем можно прекратить удержание по пограничному договору. Запечатала для ближайшего посыльного в обитель Вересков и передала служанке. Пока он доедет, постараюсь получить копию самого договора.

Молоко остыло. Отец подвинул ко мне блюдо, но есть больше не хотелось.

— Можно устроить брачное примирение, — произнёс он. — Возобновить договор на понятном обоим домам основании. Тогда у них не будет причины задерживать наших.

— Основание должно включать их выезд до обряда.

Он не ответил сразу. Начала записывать ещё: первоначальное освобождение, отдельный срок, отмена удержания при нарушении. Собственная рука привычно выстраивала условия. Хотелось принести пользу, пока отец не назвал меня ещё одной причиной семейных бед.

Потом заметила, что он больше не смотрит на исписанный лист. Смотрел на меня, ожидая, когда закончу.

— Чей брак обсуждают? — спросила.

— Условия ещё предстоит согласовать.

— Между кем?

— Между домами, Лада. Сейчас важно вернуть людей и сохранить пограничье. Личные разговоры будут после.

Рядом с чашкой лежал ответ о Савве. Отец ждал, пока разберусь с условиями. Отодвинуть бумагу ради собственного возмущения не получалось.

Попросила полный список удерживаемых. Отец вынул последний сложенный лист и передал через стол. Сверху стояли двенадцать имён. Савву нашла сразу, за ним — Фёдора Лисицына. Внизу начинался раздел о новом обеспечении договора. Там было вписано полное имя: Лада Олеговна Резвова. Под ним оставили место для согласия. Прочла раздел сначала, затем положила перо поперёк своей прежней записи и вернулась к первому условию: кто именно получит право отпустить людей и когда им позволят уйти.

Глава 2. Дом, который вернули

Мирон

Мирон поднял ведро с верхней ступени, дождался, пока в него упадут последние капли, и переставил под другое пятно на потолке. За ночь вода прошла дальше. Вчера здесь оставляли мешки с мукой; теперь Денис выносил их в коридор, а Вера проверяла ладонью нижние углы.

— Этот открыть первым, — сказала она. — Два остальных на кухню пока не отдавайте.

Мирон подхватил мешок за перевязь. Правая кисть выдержала вес, но, когда попытался поднять выше, боль потянулась к плечу. Денис без разговора взял снизу. До коридора донесли вдвоём.

Вернувшись, Мирон ощупал стропило возле сырого стыка. Дерево поддалось ногтю. При отце в эту кладовую не ставили продовольствие: здесь хранили садовый инструмент и пустые ящики для сбора плодов. Плоды теперь увозили с земель, которыми распоряжался Семён Сомов. Верескам вернули стены, стропила и право самим следить, чтобы всё это не упало.

Денису хватило одного осмотра: сгнившее стропило требовалось заменить, водосток прочистить. Мирон вчера держал полем всю полосу крыши. Мокрое дерево от этого лучше не стало.

— На большой дождь не рассчитывай, — предупредил Денис. — Поле продержит воду снаружи, а она найдёт другой стык. Там уже спальня.

— Сколько людей нужно?

Тот назвал двух кровельщиков и помощника. Указал место, откуда подать доски, велел убрать с прохода оставшиеся ящики. Мирон занялся ящиками. Перебирая их, нашёл на стенке вырезанную отцовским садовником отметку урожая. Перевернул пустую тару, сложил у двери. Для ремонта доски ещё годились.

Вера дождалась, пока Денис спустится, и раскрыла книгу расходов прямо на чистом ящике.

Муки оставалось на двенадцать дней. Следующий обоз требовал платы вперёд, мельничный доход забирал Семён. Из оставшихся денег нужно было оплатить зерно, кровельщиков и доски.

— Ученикам уже ответили? — спросила Вера.

— Двоим предложили приехать на осмотр.

— Где их положим? Что скажем про плату? Если обещаешь кормить, нужно считать до обещания.

Можно было набрать учеников, взять плату вперёд, а потом ночами держать полем ещё одну негодную комнату. Мирон попросил пока не отправлять приглашений. Двух уже приглашённых следовало честно предупредить и предложить перенести приезд. Вера записала срок ответа — обещания разобраться ей больше не хватало.

Во дворе скрипнула повозка. Он узнал голос Аглаи раньше, чем увидел её: она просила возницу не ставить ящик с пластинами на край сиденья. Выехала из столицы позавчера утром и успела к закрытию местной почтовой конторы. Мирон вышел навстречу, забрал дорожную сумку. Аглая обняла его свободной рукой, прижалась щекой к шее и несколько мгновений постояла так, не начиная рассказа.

От её волос пахло дорогой и чужим мылом. Он поцеловал её в губы, чуть отстранил за плечи, чтобы посмотреть на лицо. Устала. Пряди выбились из рабочей причёски, на подбородке остался след от завязки капора.

— Комнату проветривали? — спросила она.

— Твою не залило.

Аглая посмотрела поверх его плеча на вынесенную муку и благоразумно не стала спрашивать, насколько это хорошая новость.

Вечером она принесла в хозяйственную комнату свой расчёт за месяц. Из заработанного в столице выделила долю за жильё, еду и отдельное место для заказчиков. Мирон хотел отказаться; она остановила его, не убирая денег со стола.

— В городе пришлось бы платить за всё это. Здесь я тоже ем.

Вера подтянула книгу. Внесённой суммы хватало закрыть часть закупки зерна. Крышу она из этого не оплачивала.

Мирон придержал книгу, пока сестра писала. Аглая забрала себе квитанцию, уточнила, не понадобится ли её стол завтра до полудня, и пошла распаковывать заказ. Ему хотелось отправиться следом, выслушать про столицу, просто посидеть рядом. Сначала пришлось дописать обязательства по кровле: люди должны были прийти утром и получить условленное, даже если переговоры с Грановыми ничего не дадут.

Грановы приехали на следующий день, когда кровельщики уже разобрали мокрый край крыши. Стучали над самым залом, пригодным для приёма. Мирон велел переставить стол в соседнюю комнату, но гостья, войдя, сначала посмотрела на леса во дворе и спросила, успеют ли рабочие до нового дождя.

Он ответил, что должны. В ответ получил короткий кивок, без соболезнования состоянию дома.

Марина Гранова, немного за тридцать, приехала с поверенным своей ветви и писцом. Сняла перчатки и разложила дорожную книгу перед собой.

Мирон освободил стол. Вера заняла место напротив писца. Денис остался у окна: вернулся с крыши и ещё не успел смыть известь с рукава.

Поверенный начал с мельницы, доход которой не передали Вересками вместе с обителью. Назвал два участка на старой дороге. Мирон помнил мельничную плотину до пожара и камни у поворота; когда-то сам проверял проход для телег.

Теперь в выписках стояли новые владельцы. На одной — Семён Сомов, на другой — его зависимый распорядитель.

— Поступления с этих участков идут через наши расчётные дома, — объяснил поверенный. — Мы готовы добиваться передачи вашей доли. Первый платёж внесём сами, в счёт будущего соглашения.

— Семён согласен вернуть земли?

— Земли — отдельный предмет. Для начала говорим о доходе и признании вашего права на разбор. Сейчас вам требуется содержать людей. Это можно обеспечить раньше окончательного решения.

Вера уточнила срок первого платежа. Её пальцы перестали мять край книги.

Грановы готовы были поручиться за поставки и найм мастеров, поддержать открытие школы. Гостей интересовал наследный метод Мирона: восстановленный дом мог стать полезным союзником на торговых путях.

Он дождался, пока поверенный закончит.

— Какую долю хотите?

Марина открыла дорожную книгу на отмеченном месте.

— Сначала нужно понять, сможем ли связать дома надолго. Денежный расчёт приложен, но одним расчётом это не обеспечить.

Она говорила спокойно, глядя на него. Мирон ещё до следующей фразы заметил в бумагах два места для личных родовых подписей.

Поверенный предложил брак. Старшая ветвь передавала Марине право вести оговорённые дела; её муж получал поддержку в восстановлении своего дома. До завершения межродо-

вого спора Верескам следовало выйти из числа безусловных сторонников Елены и требовать нового соглашения о наследовании.

Снаружи сорвалась на землю снятая черепица. Рабочий выругался, второй крикнул, чтобы под ноги больше не бросали. Писец на миг оторвался от листа, потом продолжил.

— Поддержать другого претендента? — уточнил Мирон.

— Занять независимое положение. Корона не должна считать ваше согласие полученным навсегда.

— Оно и сейчас не получено навсегда.

— Тогда закрепить это будет нетрудно.

В обмен на сегодняшний хлеб ему предлагали снова оспорить назначение Елены, которое он слышал сам. После его заявления колеблющиеся дома могли бы отказаться от обещанных поставок. Мирон повернул страницу обратно.

— Об этой части договариваться не буду, — сказал он. — Если есть предложение о доходе без наследного заявления, рассмотрю.

— Без общего союза оно не имеет для нас прежней ценности, — ответил поверенный.

Марина остановила его, положив ладонь на свою книгу.

— А брачная часть? Её тоже следует обсудить прямо.

Мирон поднял глаза.

— Живу с Аглаей Бессоновой. Жениться на вас ради этой поддержки не стану.

Она выслушала, не пытаясь заглянуть за его плечо, будто женщина, о которой шла речь, должна была прятаться за дверью.

— Об этом знали, — сказала Марина. — Считали возможным разделить личную привязанность и договор.

— Для меня такого разделения не будет.

— Понятно.

Поверенный начал говорить о времени для решения, но она попросила его подождать.

— Мне нужен человек, который намерен вести со мной дом, — сказала Марина. — Вместе с дорогами, людьми и расходами. Уговаривать вас изображать намерение не стану.

Мирон поблагодарил за прямой ответ. Ему нравилось, что она не позволила поверенному продолжить торг от своего имени, и от этого отказ сделался тяжелее.

Марина забрала личные условия. Поверенный оставил адрес расчётного дома: платная услуга оставалась доступна, льгота исчезла. У повозки пропустили рабочего с доской; Марина придержала ему дверь.

Когда колёса стихли, Вера вернулась к оставшемуся на столе расчёту зерна.

— Что теперь обещаем людям?

— На таких условиях нельзя было брать.

— Слышала условия. Прошу назвать другие.

Он удержался от напоминания, что она сама не согласилась бы на навязанный брак. Сестра ждала, чем заменить увезённые деньги.

До утра требовалось найти заработок и сократить набор. Мирон назначил общий расчёт на вечер после занятий со Шэнь. Вера записала час возле его прежнего обещания.

Утром шестого дня Мирон застал Шэнь Жо во дворе старой школы. Она приехала накануне, после трёх дней пути, и теперь проверяла, как закреплены учебные рамы. Ученик подавал ей деревянные клинья. Для осмотра наставница отвела два дня; затем ей предстояло возвращаться к своим людям в Неусыпь.

В уцелевшей части двора выровняли помост, настелили доски поверх прежнего провала. На стене сохранился след детского каблука Мирона: когда-то до этого окна добирался с помощью старшего ученика. Рядом теперь стояла отметка Дениса о проверке стены.

Шэнь попросила снять куртку и показать восстановленную линию. Повязки больше не требовалось. Она провела проверку от правой кисти к плечу, велела согнуть локоть, затем повторить движение под малой нагрузкой. В быту рука слушалась. При длительном удержании ответ у старого повреждения запаздывал.

— Вчера работал на крыше?

— Носил ящики. Держал край, пока ставили подпорку.

— Сколько?

Он назвал время. Шэнь попросила впредь записывать такие нагрузки вместе с занятиями. Расход не уменьшался от того, что никто не называл работу упражнением.

Она развернула его расчёт будущей обители, дополненный измерениями родового источника. Некоторые решения он проверял годами, на чужих временных опорах. Теперь мог пробовать их в одном месте, не разбирая к утру.

Шэнь указала три участка, где всё продолжал держать сам Мирон: дальнюю стену, выход и внутренний переход.

— Здесь ты когда спать собираешься?

— После передачи на резерв.

— Покажешь передачу.

Две низкие рамы стояли на отдельных медных основаниях. На перекладинах лежали грузовые планки, снизу их страховали упоры. Воск показывал расход.

Мирон принял ближний груз своим полем. Дерево приподнялось над страховкой. Слева стукнула вторая планка: ученик подготовил соседний участок. Удары куда тяжелее Мирон отражал уверенно. Здесь требовалось оставить работу основаниям.

Он подвёл запас к ближней раме, проверил её край и перешёл ко второй. Первая держалась. Восковая отметка медленно опускалась; расход получался выше расчётного, но допустимый. Мирон начал разгружать руку.

Ученик по оговорённому условию сдвинул одно основание. Под грузом оставалась страховка, у Шэнь — отдельный останов.

Мирон видел всё это. Всё же, когда дальняя планка наклонилась, принял её на себя раньше, чем успел подумать.

Ближняя рама тоже потянулась к его полю. Одним усилием стало легче держать обе: углы подчинились знакомому направлению, нагрузка перестала расходиться на две части. У правого плеча горячо кольнуло. Он убавил подачу, но воск на первом основании уже перестал двигаться. Запас там лежал без работы; две планки держал Мирон.

— Сними руки, — сказала Шэнь.

Он попробовал оставить дальний край на основании. Тот просел, и плечо снова напряглось. Пальцы сами вернулись к прежнему положению.

Наставница остановила пробу. Обе планки легли на упоры почти одновременно. Звук получился обидно негромким.

Мирон опустил руку. Боль осталась под ключицей, знакомая после поля, которое пришлось держать дольше положенного. Он посмотрел на оставшийся запас в меди и разозлился: сила была, схема перед глазами, требуемое действие понимал. Результат всё равно получился прежним.

— Можно повторить с меньшим грузом.

— Сегодня хватит.

— Плечо выдержит.

Шэнь показала на застывший воск: Мирон забрал обе нагрузки на себя, местный запас не работал.

— При меньшем грузе то же самое будет легче скрыть. Проверим отдельно, что ты способен оставить.

Он сел на край помоста. Отсюда были видны ворота и кусок нового кровельного леса. Пока ладонь лежала на колене, хотелось подняться и хоть раз выполнить упражнение как следует. Надоело объяснять дому, что право вернулось раньше возможностей. Ещё сильнее надоело чувствовать, как без него начинает проседать любое подготовленное место.

Шэнь подошла, поправила ему локоть и тут же убрала руку.

— Сам найди, где потянул.

Без подачи он повторил движение. Вместо раздельной работы снова свёл линии к себе — привычный приём защиты двоих людей. В самостоятельной комнате пришлось бы оставаться внутри каждой стены.

Он провёл пальцем по исправляемому месту на чертеже.

— Эта часть должна принимать смену без моего поля.

— Да. Сначала на одном малом участке. Потом на другом. После усталости тоже.

Наставница назначила ежедневные малые пробы с независимой проверкой. Следующий осмотр назначила через месяц, а увеличивать нагрузку разрешила лишь после устойчивого результата.

За месяц уйдёт зерно, Семён продаст очередной урожай. Всё это хотелось предъявить Шэнь как основание спешить. Но клин сдвинули на ладонь, и две отдельные подачи уже не удержались.

Шэнь велела отдохнуть до окончания проверки плеча. Взяла его расчёт, пометила цену материалов для двух малых оснований. Часть занятий можно было оплатить обследованием старого перехода для её школы, после отдельного допуска к работе. Мирон согласился на осмотр, не обещая заранее починить то, чего ещё не видел.

Когда ученики начали убирать грузы, он остался сидеть. Под правой ладонью нагревалось колено; больше с ней сегодня делать было нечего. Слева лежал чертёж. Мирон развернул его свободной рукой, оставил на первом участке место для чужой смены и дождался, пока Шэнь подойдёт проверить восстановление.

К утру следующего дня Вера свела расходы на месяц. Денис принёс два заказа из ближайшего города: осмотр складского прохода и перенастройку защитного участка у водяной мастерской. За вторую работу давали небольшой задаток. После вчерашней пробы Мирон сперва прочёл условия остановки и только потом — цену.

Большого поля не требовалось: осмотреть опоры, сменить крепления, передать схему хозяевам. Денис принимал свою часть и отдельную плату. Мирон разделил выезды на короткие дни, чтобы выдержать нагрузку.

— Теперь на зерно хватит? — спросил он.

Вера подвела итог. При поставке частями и отложенном ремонте большого зала — на ближайший месяц. Запаса на ещё одну крупную поломку не оставалось. Договор с продавцом нужно было подтвердить сегодня.

Двум будущим ученикам подтвердили комнаты, питание и программу занятий. Плату за месяцы вперёд не брали. Следующие места зависели от ремонта. Мирон сам переписал приглашения: прежде прочих хотел поверить в большую открытую школу и легко обходил то, что мешало открыть её завтра.

Нина пришла с измерительной планкой и отдельным счётом за дорогу. Из столицы добралась той же повозкой, что Аглая; остановилась в городском доме. Эти дни проверяла для Вересков оставшиеся рабочие опоры. Теперь положила на стол полученный образец и спросила, кому передавать заключение.

Мирон попросил задержаться. Вера подготовила первые суммы помощи семьям погибших в галерее и копию для независимого разбора.

Нина прочла свою строку.

— Дело отца должно остаться отдельно.

— Остаётся.

— И получение этих денег ничего в нём не меняет.

Он подтвердил вслух: помощь не прекращает требований, не заменяет разбора и не оплачивает её работу.

Перед глазами вспыхнула падающая балка. Он помнил, где стоял, когда выбрал обрушение. За стеной оставались Вера и дети, в галерее — люди, чьи лица тогда не успел разглядеть. Возможность выжить досталась не всем. Нине не следовало платить за это удобным объяснением, почему иначе было нельзя.

Нина убедилась, что копия хранится независимо, и подписала получение. Мирон предложил постоянное место при школе, хорошую плату и право на внешние заказы.

Нина выслушала и отказалась.

— Стану работать по отдельным поручениям. Придворной измерительницей Вересков быть не хочу.

Он почти возразил, что речь о школе. Но назвать новое место иначе было легко; дом, которому она служила бы постоянно, оставался тем же. Мирон убрал из расчёта строку о постоянном месте и попросил оценить сегодняшнюю проверку образца.

— По обычной плате, — сказала Нина. — И выезд заранее согласовывать. У меня есть другая работа.

Вера отделила плату за работу от семейной помощи. Нина оставила заключение: перестановка крепления обходилась дешевле замены полосы. Мирон расплатился до её ухода.

После обеда Аглая принесла письмо Лады. Посыльный добрался вчера, пока Мирон занимался с наставницей. Теперь она попросила его прочитать вопрос о родовом проходе: можно ли описать известный Верескам способ проверки, не раскрывая личных адресов.

Людей удерживали по пограничному соглашению. Лада хотела выяснить, что именно потребуется для прекращения действующей ветви, и просила консультации. Подробных условий в письме не было; без них обещать снятие было рано.

Мирон вернул лист.

— Нашу проверку можешь описать. Без расположения опор. Там важен отдельный ответ человека и доступ к носителю.

— Его придётся получить. Одного отцовского обещания может не хватить.

— Сначала пусть пришлёт условия.

Аглая села к своему столу. Мирон остался у двери, заметив, как быстро она нашла чистый лист. Хотелось спросить, во что Лада собирается её втянуть. Пока Лада просила только объяснения; ничего другого письмо не доказывало.

— Возьмёшься? — спросил он.

— За консультацию — да. Дальше посмотрим на сам договор.

Он уточнил порядок проверки без чтения чужой памяти. Аглая записала и вернулась к письму. Мирон подошёл, поцеловал её в висок и отодвинул от края стола дорожный ящик, чтобы она не задевала его коленом.

После обеда написал Семёну: перечислил удерживаемые доходы, сослался на возвращённое право Вересков и потребовал договорного разбора при внешних свидетелях. Оставил разумный срок ответа. Один царский лист не защитит его на чужой земле.

Вера проверила суммы. Мирон приложил выписку о владении обителью, оплатил посыльного и передал сестре деньги на оговорённые выплаты. Вернулся к столу: на завтра там уже лежали схема складского прохода и два листа малых упражнений.

Глава 3. Невеста по договору

Лада

Отец назвал Глеба Сомова, пока служанка поправляла на мне застёжку домашнего платья. От неожиданности повернулась, зацепилась волосами за её руку и села обратно. Служанка извинилась. Попросила её оставить застёжку как есть и выйти; отец дождался, когда за ней закроют дверь, словно только теперь можно было перейти к неприятной части разговора.

Пять дней назад увидела своё имя в списке обеспечения. С тех пор отец приносил уточнения о дороге, плате, сроках возвращения людей. Имя жениха откладывал до подтверждения условий. Догадывалась и раньше; услышать его из отцовских уст оказалось труднее. Теперь перед ним лежал запечатанный пакет.

— Знаешь, что он сделал? — спросила.

— Знаю, в чём его обвиняют.

— При мне врач вынимала отравленный осколок. Капитан сказал, откуда пришёл удар. Государь умер у нас на глазах.

Отец положил пакет на стол и не стал вскрывать.

— Отказ от разговора с ним не вернёт государя. Наши люди останутся там.

На отцовской копии списка у Саввы стояла отметка о последнем письме, возле Лисицына — два запроса без ответа. Называть ему имена удерживаемых не требовалось.

— Ты согласился отдать меня человеку, который ударил царя.

— Согласился обсуждать брак с домом, удерживающим наших. Если видишь способ получить их иначе, назови.

Отец говорил устало. Ворот сидел неровно, у рта краснел порез от бритвы. В любой другой беде мы сели бы рядом и распределили работу.

После объявления помолвки Сомовы обещали вернуть часть людей, после свадьбы — остальных. Кого в какую группу, не указали. Охрану дороги предлагали дешевле, чем недавно потребовали с нашего обоза.

— Выходит, охрану могут дать за прежние деньги, — сказала. — Если с людьми получат невесту.

— На границе стоят их отряды. С другой стороны добирают людей для Алой Нити. Из столицы нам подтвердили приём просьбы. У соседей свои условия. Дальше можешь повторить то, что уже написано во всех ответах.

Он показал два новых листа. Один дом соглашался пропускать наши обозы, если мы откажемся от прежних постов в его пользу. Другой предлагал охрану до первой спорной переправы. За неё ответственность не принимал.

Положила листы обратно. Вчера удалось убедить ещё одну женщину из Палаты забрать исправленную выписку; в её деле хватило найти нужного хранителя. Здесь хранителя, который мог бы выдать Савву, у нас не было.

— А если Глеб получит обещанное и не выпустит их?

Отец долго смотрел на нераспечатанное приложение.

— Потребуем исполнения при свидетелях.

— И охрану он даст для этого тоже?

— Лада.

Своё имя в таком тоне слышала с детства. Оно означало, что опасность замечена, но произносить её дальше невежливо. Теперь отец сам надломил печать, достал последний лист и предложил читать.

Мне предлагали выехать для предварительной помолвки, затем согласовать брачные формулы и возвращение людей. Отец уже обещал участие Резвовых. Место для моей подписи оставалось пустым.

— Можно отказаться, — сказала, проверяя, не пропустила ли отменяющую строку.

— Можно. Можешь уйти из этой комнаты, вернуться к своим заказам и ждать, пока решим без тебя.

— А ты уже решил, что без меня не получится.

Он отодвинул стул и встал. На стене за его плечом висела карта пограничья; край с отметками дозоров закрывал потемневший кусок обоев. Ещё недавно там стоял шкаф с детскими чашками. Отец распорядился убрать его, когда понадобилось место для длинного стола.

— Думать придётся обо всех, — сказал он. — Не только о том, какую жизнь считала для себя подходящей.

Взяла пакет. Нельзя было согласиться, лишь бы он перестал смотреть так, будто приходится уговаривать меня покормить собственного брата. Савва был двоюродным; в этом доме разницу вспоминали только при составлении родословной.

— Покажи исходное соглашение об их пребывании у Сомовых. С приложениями. И нужен разговор с Саввой.

— Подготовят раму.

— Короткое приветствие перед женихом не подойдёт. Пусть Савва ответит сам.

Отец потянулся к своему экземпляру, но остановился, увидев, что держу пакет. После личного ответа будет труднее отказаться от поездки. Этого тоже боялась. Дождалась согласия на отдельный разговор, забрала копии и вышла с незастёгнутым воротом. Служанка ждала неподалёку. На этот раз позволила ей закончить, стоя спокойно и не объясняя, почему руки не слушаются.

Наутро гильдейский мастер соединил раму в нашей резиденции с заранее разрешённой парной рамой Сомовых. Платили за короткий разговор; переносить людей эта связь не могла.

Пока мастер заканчивал проверку, отец спросил, не принести ли кресло удобнее. Отказалась. За ночь успела перебрать способы разговора с Саввой, и ни один не предусматривал мягкой спинки, из которой трудно быстро подняться.

Глеб появился за стеклом не сразу. Сначала прояснился край стола, затем светлое окно и его рука на подлокотнике. Он сидел в Сомовском дворце. В строке соединения стояла именно эта приёмная, а не столичный адрес; городская охрана не позволила бы ему приехать сюда с обычным сватовством.

— Лада. Благодарю, что согласилась говорить лично.

Поблагодарить в ответ не получилось. Назвала присутствовавших с нашей стороны и попросила показать Савву.

— Сначала подтвердим предмет встречи, — сказал сомовский представитель.

Глеб остановил его лёгким движением руки.

— Успеем. Она хочет увидеть брата.

Эта уступка заняла несколько мгновений. За стеклом освободили стул, и в раму вошёл Савва. Подрос. Рукава стали коротки, хотя рубашка была из тех, которые отправляли с ним с запасом. На переносице сохранилась корочка ссадины. Он начал с положенного приветствия, увидел моё лицо и сбился.

— Это от зажима, — торопливо сказал, касаясь носа. — Соскочил, когда держал заготовку. Почти прошло.

— Вижу. Сейчас болит?

Он помотал головой. Хотелось придвинуть его к свету, проверить пальцем, не горячая ли кожа вокруг ссадины. Ладонь вместо этого легла на край нашего стола.

— Футляр для резцов остался цел?

Савва оглянулся за пределы рамы. Его попросили не отходить, но через несколько мгновений передали знакомую коробочку. Он показал её раскрытой, большим пальцем придерживая треснувшую перегородку.

— Теперь три ячейки, — сказал. — Помнишь, двух нам уже не хватало? Третью отделил дощечкой.

На внутренней стороне крышки темнел след от прожжённого мной кружка. Когда-то пыталась поставить метку без подложки и испортила вещь. Савва долго уверял, что так футляр легче отличить от остальных. Теперь кружок прикрывал приклеенный листок с обозначениями резцов.

Попросила отогнуть листок. Он показал, улыбнулся и тут же стал серьёзным. Знакомые слова, вещь и привычка не давали права забыть, чей дворец находился на другой стороне стекла. Но говорить дальше уже могла, не стискивая зубы после каждого ответа.

У гильдейского мастера получила малую ответную пластину. Её край был соединён с предъявленным на той стороне носителем. Спросила Савву, сможет ли он дать короткий отклик, как делал при семейной проверке перед отъездом. Большой силы не требовалось.

— Скажешь, если устанешь, — добавила.

Он положил пальцы, дождался моего знака и провёл подачу. На ближнем краю проступил нынешний рисунок: неровное начало, затем выровненный ход и торопливое окончание. Попросила повторить только начало, медленнее. Савва поморщился, но послушался. Отзыв изменился вместе с движением; заученного старого оттиска для этого было бы мало.

Мастер записал время. Ответ подтверждал присутствие Саввы у той рамы; за чужими стенами могли делать что угодно.

Глеб предложил оставить нас поговорить. Отец и представители вышли за дверь с нашей стороны, Глеб поднялся и ушёл из видимой части своей комнаты. Мастер остался у подачи, отвернувшись к проверочным отметкам. Приватность кончалась там, где начинались чужие стены. Прежде чем спросить про дом, Савва посмотрел в сторону двери.

Рассказала, что у старой лестницы меняют дорожку. Он спросил, снова ли она заворачивается у третьей ступени. Подтвердила. На мгновение разговор стал прежним, и стало больнее, чем при виде ссадины на его носу.

— Когда поедем? — спросил он.

Планировала начать с питания, сна и занятий. Савва оставил мне меньше места для правильного порядка.

— Добиваюсь, чтобы назначили выезд. Для этого нужно увидеть ваши условия здесь.

— Ты приедешь?

— Обсуждаем это.

Он потёр пальцем угол футляра.

— Тогда поговори с Фёдором. Нам сказали, что могут отпустить сначала часть. Он думает, взрослых потом оставят до нового расчёта.

— Он сам это слышал?

— Да. И списки у него. На кухне прибавляют плату за каждый лишний день. Отдельно никто не платит, всё потом запишут.

Савва заговорил быстрее. Лекарство привозили, еду выдавали, к работе пока допускали. Но вещи для дороги перестали отдавать со склада, а письмо, где Фёдор просил назначить день отъезда, вернулось с требованием согласовать через распорядителя. Одной женщине обещали разрешить съездить к семье; дальше обещания дело не пошло.

— Сколько вас сейчас?

— Двенадцать. Как приехали. Фёдор пересчитывает, когда расход получает.

Савва позвал Фёдора на трудной фамилии. Лисицын поправил окончание и подтвердил двенадцать имён. На плече рубашку зашили крупными стежками, седины прибавилось. Он просил узнать, на ком числится плата за содержание: прежде такого долга за людьми не было.

Хотела расспросить его подробнее, но мастер предупредил о времени. Фёдор вернул стул Савве.

— Если договоришься обо мне, не забудь остальных, — сказал мальчик. — Здесь все домой хотят.

На языке уже стояло «разумеется». Проглотила его. Усталым голосом он повторил просьбу, словно боялся, что из вежливости ответит вместо меня взрослый.

— Остальных не вычеркну, — сказала. — Узнаю, что можно сделать для каждого. Обещать день сейчас не могу.

Савва кивнул. Показал, что петлю на футляре починили, и положил коробочку себе на колени. До отключения оставалось мало, а смотреть на него хотелось дольше.

Глеб вернулся по знаку мастера. Дождался, пока Савву уведут, и спросил, какие ещё подтверждения потребуются.

— Доступ к людям. Не один общий показ. Возможность разговаривать с каждым и видеть, как они живут.

— Приедешь — получишь.

— Как сторона переговоров?

— Как моя будущая невеста, если примешь предварительные условия. Согласуем дни посещения и сопровождение. Смотреть быт тебе никто не запретит.

Он произнёс это без обиды за мои сомнения. У царского кресла его имя прозвучало из уст капитана. Теперь тот же человек позволял приблизиться к Савве. Захотелось вымыть руки.

— Твоё участие в нападении от этого не исчезнет, — сказала.

— Разбор продолжится. Для него не нужно откладывать помощь твоим родным.

Он уже умел поставить меня в положение человека, который задерживает помощь. Попросила внести предложенный доступ в приложение и выдать копию до моего отъезда. Глеб согласился. Пока представитель составлял строку, смотрела на пустой стул за его плечом: Савву увели туда же, куда предстояло ехать мне. Когда рама потемнела, мастер снял подачу. Отец постучал в дверь, спрашивая, окончен ли разговор. Позвала его и показала строку о предложенном доступе к людям.

На следующий день к брачному приложению принесла ответ Аглаи, доставленный накануне гильдейской почтой от Вересков. Имени жениха и новых условий она ещё не знала.

«Сначала проверь, что уже исполняется. Новую формулу не пробуй на себе», — стояло вверху. Ниже она поясняла, как отделить обещание выдать человека от действующего допуска и почему одной перемены в словах договора может не хватить. Если удержание уже закреплено, нужны его носитель, источник и отдельная работа с ветвью. Прислать недостающие условия она просила целиком, без моего удобного пересказа.

На последних словах задержалась. Удобный пересказ обычно получался у меня быстрее полного. Хотелось сразу написать, почему отец так поступил, и только потом передать то, что он подписал. Свернула записку, положила в свой экземпляр и попросила писца разложить приложения в порядке их принятия.

Принесли родовой ключ и носитель обязательства. Мастер ограничил чтение готовой стороной; своей третьей ступени на него хватало. Личной силы для нового обязательства пока не давала.

В исходном соглашении значились обучение Саввы, обязанности Фёдора и остальных, охрана и снабжение. Дом Резвовых обеспечивал свою часть поставками. Поздняя добавка связала отъезд людей с окончательным расчётом между домами. Ещё ниже стояло обещание отца

восстановить обеспечение брачным союзом. Вот эту строку мне и показывали как уже принятое семейное решение.

Попросила показать связь с моим наследным допуском. Отцовский ключ отзывался, личная ветвь оставалась пустой. Повторная проба подтвердила: политическое обещание уже дано, предъявлять его Резвовым могут. Моей силы никто не получил.

— Значит, участие можно не подтверждать, — сказала.

Представитель убрал руку от приготовленного листа.

— Тогда не будет основания для вашего приёма во дворце.

— Это понимаю.

Отец попросил мастера подождать в соседней комнате. Писец тоже вышел, сомовский представитель собрал свои листы. Мы остались вдвоём, и впервые за утро стало слышно, как по улице катят пустую бочку. За закрытой дверью можно было согласиться тише; исполнение от громкости не зависело.

— Получила то, что хотела? — спросил отец. — Твой личный допуск без твоего ответа не передать.

— На какое согласие ты рассчитывал?

— Что увидишь положение семьи.

— Вижу.

Отец отложил ключ. Сидел напротив без подачи своей пятой ступени; отказ и так давался трудно.

Когда-то предполагала, что мой брак будет полезен Резвовым. Ничего унизительного в этом не видела: сама хотела влиять на семейные дела, работать с договорами, принимать решения. Удачный союз мог дать больше возможностей. Только в тех рассуждениях будущий муж ещё не распоряжался людьми, которых предстояло выкупить моим согласием.

Отец спросил, что намерена делать. Назвала условия, при которых готова ехать. Предварительная помолвка открывает переговоры и оговорённые гостевые помещения. Передачи наследного допуска, крови и силы в ней не будет. Все брачные формулы предъявляются отдельно до публичной церемонии; заранее повторять их в общей подаче не стану.

— Ты оставляешь им мало доверия.

— Оставляю возможность начать переговоры. Их людям будет видно, с чем приехала.

Отец посмотрел на мой экземпляр. В нём уже была вписана отдельная строка о посещении удерживаемых. До вчерашней встречи не позволяла себе строить решение вокруг того, как Савва будет сидеть на стуле и стараться не спрашивать настойчиво. Теперь его голос мешал откладывать выезд, но условия от этого безопаснее не становились.

Когда вернули остальных, представитель долго разбирал слова о личной передаче. Сказал, что обычная предварительная помолвка её и не предполагает.

— Тогда запишем прямо, — ответила. — И прочтём в той же форме при приёме.

С каждым уточнением отец всё чаще отворачивался к окну. Проверяли, что именно позволит мой отклик после въезда в чужой дом. В Аглаиной записке было ещё одно предупреждение: произнесённое под давлением согласие может сработать. На надежду, что магия сама разберётся в моей воле, рассчитывать не приходилось.

Совместный резерв из предварительных условий убрали. До публичного обряда передача силы оставалась запрещена. Гостевой ключ дадут на перечисленные помещения; снять с его помощью чужие удержания было нельзя.

Потребовала отдельные покои. Представитель начал уверять, что с невестами обращаются достойно. Попросила записать порядок доступа в комнату: статус будущего супруга не даёт Глебу права входить в мою спальню. Здесь возражений оказалось меньше, чем при разговоре о совместном резерве. От этого не успокоилась, но строку оставила.

Мастер сверил формулу с носителем. Прочла её сама, задержалась у следующей за выездом строки и лишь потом дала короткий ответ на предварительные условия. Родовой отпечаток лёг на место. Ни боли, ни знака свыше. Писец отметил время и выдал принятые экземпляры.

Отец подал мою перчатку, упавшую со стола. Взяла, не глядя на него. Все прежде всего потянулись за своими экземплярами.

За свой счёт получила ещё полную копию удерживающего соглашения. Она понадобится человеку, которому предстояло задать следующий вопрос.

Из дома вышла обычной дверью. Никакая печать не задержала на пороге, кучер ждал распоряжения. Велела ехать во внешнюю гильдейскую приёмную и только в повозке застегнула обе перчатки. После принятого решения оставалась работа, которой отец в свой расчёт не включал.

Родион стоял на коленях перед нижней петлёй двери, а за его спиной сердился человек с дорогой шляпой в руке. В гильдейской приёмной не было свободных мест; клиенту пора было уезжать, а его дорожный саквояж остался в запертой комнате. Родион попросил его ещё раз повернуть ключ и приложил к креплению узкую мерную планку.

— Вы сказали, будет открываться лучше, — заметил клиент.

— Когда перестанете держать створку коленом, попробуем.

Человек отступил. Дверь открылась, слегка задев его сапог. Родион поднялся, вытер о тряпицу край инструмента и указал, какую деталь следует заменить, прежде чем навешивать тяжёлую отделку обратно. Клиент выслушал с видом человека, которого вынудили узнать лишнее о собственной собственности.

Подождала, пока уйдёт. Мастер заметил меня, поискал глазами свободное место и принёс стул из-за стойки. На пальцах у него остались следы тёмной смазки; один сустав разгибался не до конца. В старом крыле видела его главным образом возле подготовленного прохода. Здесь было проще разглядеть раннюю седину и карандаш, забытый за ухом.

— Какой выход нужен? — спросил он, убирая инструмент.

— Вход.

— Тогда начни с адреса.

Назвала Сомовский дворец. Карандаш он снял, но писать не стал. Пришлось объяснять про Савву, удерживаемых и предварительную помолвку. Имя жениха произнесла, когда в соседней комнате зазвонили часы. Родион дождался, пока стихнут, и спросил, какие личные обязательства уже исполнила.

Рассказала о сегодняшней проверке. Показала копию принятого приложения. Он прочёл только начало, затем вернул.

— До отъезда ещё можешь уйти.

— Из помолвки?

— Для начала из этого города. Обычной дорогой, пока не приняла их внутренний ключ и не вошла в дом. Здесь тебя никто не держит. Помогу найти повозку и людей, с которыми можно ехать.

— А Савва?

Родион не ответил немедленно. На стойке оставалась его раскрытая рабочая книга; рядом ждал человек с заказом на другую дверь. Мастер попросил его перенести разговор на час и отвёл меня к столу в боковой комнате.

— Сейчас есть возможность вывести тебя, — сказал он. — Для остальных нужно знать, что их держит. Через чужие стены заранее ничего не обещаю.

Села, положив сумку на колени. Предложенный им выход был настоящим: могла согласиться, забрать дорожные вещи, отправить отцу письмо с места, где его посыльный не найдёт

меня к следующему завтраку. Никакое тянущее под рёбрами заклятие не помешало бы подняться со стула.

Достала список и развернула перед ним.

— Нужна помощь, чтобы войти туда как сторона переговоров. Получить доступ к людям и выяснить, что можно прекратить. Домой хочу вернуть их тоже.

— Сколько?

— Двенадцать.

— Скольких видела?

— Савву и Фёдора. Остальных назвали по списку. Лично проверить каждого ещё не дали.

Родион задержался у Саввиного возраста. Остальные одиннадцать были взрослыми, у каждого значились занятие и основание пребывания. За словом «сопровождение» больше не получалось их не замечать.

— А когда войдёшь, сколько сумеешь вывести? — спросил Родион.

— Пока не знаю.

— Сомовы будут знать, зачем приехала. И бумаги с твоими пределами тоже прочтут.

— Для них это помолвка. Для меня — возможность добраться к тем, кого не выпускают.

— К ним ещё нужно добраться так, чтобы не оказаться рядом на том же условии.

За дверью перестали двигать стул, и Родион понизил голос. Сначала думала, что сердится на отца. В его вопросе услышала собственную уверенность: будто достаточно назвать число людей, и мастер приготовит дорогу.

— Устройство удержания знаешь?

Знала формулу и семейный способ подачи. Какие носители держали людей внутри и что придётся сохранять при размыкании, ещё не выяснила. Ответ Саввы этого не показывал.

— Значит, двенадцать пока только в желаемом результате, — сказал он.

Щёки начали гореть.

— Я не предлагаю тебе обещать результат сейчас.

— А что предлагаешь?

— Посмотреть условия. Сказать, чего не хватает для работы. Потом решить, за что возьмёшься.

Он заново развернул список. Больше не объясняла, почему людям нужна помощь: обследованных выходов от этого не прибавится.

— Сборы уже назначили? — спросил Родион.

— Выехать должна в ближайшие дни. Завтра можно начать с...

Остановилась. Он поднял глаза.

— Сначала спроси, свободен ли мастер завтра.

Извинение едва не превратилось в рассказ о недостатке времени. Вместо этого спросила. До полудня он разбирал оплаченный заказ; после мог выделить час. Согласилась на час и достала полную копию соглашения, за которую заплатила у писца. Родион посмотрел на заверку, проверил, все ли приложения на месте, и оставил листы перед собой.

— Прочту. Это пока только разбор условий, Лада. На вход во дворец ещё не согласился.

— Понимаю.

Кивнула. Он предложил стул ближе к свету, чтобы можно было вместе просмотреть оглавление, и освободил место для моей копии. Придвинула стул сама, записала время завтрашней встречи. Потом развернула перечень приложений и показала место, где вместо описания внутреннего удержания стояла ссылка на невыданную схему.

Глава 4. Помоги мне войти

Лада

К назначенному часу Родион освободил стол, но мой список отложил подальше от разложенных планок. Одну ещё подтачивал. Стружка ложилась на рукав, он сдувал её и снова проверял край большим пальцем. Дождалась, пока примерит деталь, затем положила перед ним вчерашнюю копию.

— Внутренней схемы не выдали, — сказала. — Остальное здесь.

Он прочёл отметку о пропущенном приложении, раскрыл свой дорожный лист и показал две точки на обычной карте. От столицы до Сомовского дворца было пять дней. Гильдейская станция стояла на той же дороге, за день до владений жениха. Там можно было принять материалы, проверить заказ и оставить бумаги вне чужого дома.

— На известный адрес можно отправить письмо, — сказал Родион. — Для перехода нужно обследовать обе стороны. Пока у меня нет второй.

— Сначала придётся получить её на месте.

— Если дадут. Твой гостевой пропуск проведёт тебя. За Савву он не ответит.

Подвинула список, чтобы сверить с ним порядок возвращения людей. Родион придержал лист и попросил пока оставить фамилии: начал бы считать всех спасёнными раньше, чем появилась дорога. Это прозвучало резче, чем требовалось, но спорить было не с чем.

В мастерской за соседней дверью стояла рама без створки. Родион подвёл меня к ней и показал вторую, у дальнего стола. Между ними можно было пройти через комнату, обогнув верстак. Он проверил крепления, положил на стол деревянный брусок и подал силу в ближнюю планку. За рамой вместо стены появилась столешница с тем же бруском. Расстояние между обследованными сторонами сократилось до шага.

Родион взял брусок через открывшийся промежуток и подал мне. Обошла верстак обычным путём, убедилась, откуда он его снял. Положила брусок на верстак. Доски под ногами не изменились; запасной выход оставался рядом.

— Это часть расчёта будущей обители, — сказал мастер. — Начал несколько лет назад. Пока собираю отдельные решения.

На чертеже за рамой были небольшие комнаты вокруг общего двора. Переходы изгибались так, что в середине оставалось место для света. Рисунок захотелось рассмотреть ближе. У Родиона над столом висели образцы дерева и кусочки отделки; для одной стены он подобрал разные оттенки и ещё не выбрал окончательный.

— Здесь будут жить? — спросила.

— Для этого и делаю.

Он переставил руку, и открытая сторона дрогнула. Удержал её, не прерывая рассказа: сколько запаса потребуется на воздух, где оставить доступ для ремонта, почему красивый широкий ход пока не сходится с допустимым расходом. На последнем оживился. Прежде слышала от него главным образом то, чего нельзя; теперь было видно, сколько вещей ему хотелось сделать.

— А ключ у человека внутри где?

Родион замолчал.

— Проход держится на моей подаче.

— Если тебя позовут в другую комнату?

— Прежде закончу здесь.

— А если не успеешь?

Он свёл края и убрал руку. На месте прохода снова оказалась стена.

— Считаешь, могу бросить там человека?

— Хочу понять, как он выйдет без тебя. Не придётся ли ему ждать, даже если решит уйти.

Родион посмотрел на чертёж, затем снял планку с крепления. Некоторое время проверял её, хотя щель уже была закрыта.

— Самостоятельный выход ещё не готов, — сказал наконец. — Этот оставляю рабочей пробой. Людей в отдельный объём сейчас не поведу.

Вернулись к столу. Уговорились останавливать пробу по первому требованию: он даёт выйти обычным путём и только потом снимает подачу. В неизвестное место не переходим до осмотра.

Сообщения мог бы принимать независимый станционный мастер Егор Каменев. Отправили ему запрос с копией договора; согласие ещё требовалось получить.

Гильдия неделю назад прислала приглашение на ремонт свадебных покоев с образцом служебной кромки. Родиону требовался заказ, Сомовым — дверной мастер пятой ступени. Он подал заявку под своим именем: передаёт лишь оплаченную часть расчётов, служебные пакеты пересылает через гильдейскую раму.

— Они знают о старом крыле и Вереске, — предупредил он. — Если примут, то с этим знанием.

Столичная гильдия приняла наружную копию. Свою убрала к дорожным бумагам вместе с заявкой Родиона: нужно знать, на какую работу он согласился.

Хранитель привёз покрывало в длинном ящике. Осмотр разрешили, увозить ткань — нет. Авдотья сдвинула два стола, подложила подставки под свисающий край; хранитель остался у окна с книгой передачи.

Ткань оказалась светлее, чем ожидала. По сгибам шли потемневшие полосы, на углу виднелся старый след от свечи. Вдоль рабочей кромки сохранились мелкие частые стежки. Авдотья провела над ними пальцами, не касаясь, потом отодвинула один зажим и попросила меня придержать обычный край.

Авдотья достала кольцо из своего футляра, показала пайку и положила на подготовленную полосу. Камень был тёплым ещё до подачи.

— Отсюда не тянуть, — предупредила она. — Если пойдёт дальше, скажешь.

Край держала без силы. Родион пришёл с рисунком старого сопряжения, приложенным к сомовскому заказу. Авдотья впустила его к столу.

Авдотья освободила подгиб. Там, где ожидала увидеть изнанку, открылось узкое пространство с двумя креплениями, уходившими вглубь. Между ними лежала старая тканевая полоса. Снаружи для неё не было места: поднятый край по-прежнему помещался на столе. Свет лампы прошёл за сгиб и остановился у закрытой границы.

Пальцы начали сильнее прижимать полотно. Разжала их, дождалась, пока Авдотья укрепит ближайшую часть на своей рабочей ленте.

— Сохранённый участок царского сна, — сказала она. — Малый служебный объём. Дальше своей границы сейчас не открывается.

Оттуда никто не смотрел. Не было ни голоса, ни движения человека. Видны были крепления, свёрнутый край и потёртая поверхность, которую когда-то много раз подгибали одной рукой. Авдотья рассмотрела нижний стежок, назвала дату в своей рабочей книге и попросила хранителя записать, какая часть отвечает первой.

Когда Авдотья поднесла кольцо, по полосе прошёл короткий отклик. Авдотья отвела оправу — движение ослабло. Повторила на другой допустимой стороне. Второй ответ пришёл через тот же поворот, не заполнив весь участок.

— По одной работе проходят? — спросила.

— Связь есть. Держать её целиком здесь нечем.

Авдотья прекратила подачу и села, растирая костяшки. Хотелось спросить, жив ли Павел. Она опередила.

Авдотья повернула оправу камнем к себе.

— Ничего о нём самом не показало, — сказала. — Запишем и это.

Родион зарисовал доступный угол. Авдотья дважды поправила линию: на настоящем шве подхват был сдвинут. Так же сделали карман, в котором нашли кольцо.

Из сомовского извещения Родион вынул отдельный лист. Заказ касался ремонта гостевых покоев, а к нему приложили образец приёмной кромки старого служебного объёма. Совпадал способ развести нагрузку у бокового сгиба. Одного рисунка было мало, и Авдотья попросила снова поставить лампу.

На этот раз она сама указала, где подать малый отклик. Родион удержал разрешённую внешнюю часть, не заходя за старый шов. По знакомому изгибу ответ ушёл к краю; возле кольца отозвалась прежняя линия. У сомовского образца тот же участок относился к действующему служебному сопряжению.

— Родственная работа, — произнесла Авдотья. — Здесь старая часть. Там могли сохранить продолжение или присоединить другое.

— Во дворце?

— В заказе указано, что оно оттуда. Проверять придётся на месте.

Внутренних адресов на выданном рисунке не было. Родион снял копию для будущей сверки. Авдотья продиктовала даты своих продлений и ограничения; неудобные строки вычеркнуть не предложила.

Пока хранитель сверял рисунок, подала ей воду. Она взяла стакан обеими руками, сделала несколько глотков и поставила так, чтобы не задеть кольцо.

— Ты ведь завтра едешь, — сказала.

Подтвердила.

Авдотья провела пальцем по собственной записи. Карандашный край чуть размазался. Она посмотрела на меня и не попросила непременно найти Павла. От этого стало труднее заговорить первой.

— Если увижу такой шов, сравню с копией. Больше пока обещать не могу.

— Если сможешь посмотреть безопасно. О каждом сходстве сообщай отдельно, не соединяй заранее.

Отдохнув, Авдотья снова надела фартук и взялась за следующий подгиб. Покрывало оставалось у хранителя; кольцо она убрала в футляр. Мне досталась копия с датой и именами свидетелей. Уточнила адрес для дорожных писем. Она назвала эту мастерскую.

Из столицы выехали на следующее утро. В моей повозке было достаточно места для человека и чемодана; к вечеру выяснилось, что для человека, чемодана и сомовских свадебных чехлов места уже не хватает. К обозу присоединились мастера отделки, двое работников с печными приборами и женщина, сопровождавшая новые ткани. Все ехали в одну сторону, но каждый знал свою часть предстоящей работы.

Родион держался у грузовой повозки. На первом привале велел переложить длинный ящик, объяснил вознице, почему нельзя ставить на него мешки, и сам проверил крепления. На второй день сел со мной: дорога стала хуже, а в моей повозке инструмент меньше трясло.

Прежде чем устроиться, он привязал ящик к нижней перекладине. Затем подложил под крышку свёрнутую ткань и испытал, не сдвигается ли груз на повороте. От его локтя пришлось отодвинуть дорожную сумку. Потом он попросил освободить ещё немного места у окна.

— Если придержу вот этот угол, тебе будет удобнее? — спросила.

Родион посмотрел на положение ящика.

— Нет, ему лучше...

Остановился, увидев мою ногу, зажатую между багажом и скамьёй.

— Не тебе, — закончила за него. — Уже поняла.

Он отвязал ремень, переставил ящик и спросил, где мне удобнее поставить ноги. Из-за этого пришлось начинать крепление сначала. Некоторое время ехали молча, слушая, как на ухабах стучат колёса. Затем Родион протянул мне собственный свёрнутый плащ под спину.

— Этот можно мять.

Устроилась удобнее. Ящик больше не касался сапога. Мастер взял из сумки книгу, но читать не начал: проследил за движением груза, дождался ещё двух выбоин и лишь после этого открыл страницу.

До полудня хотелось слезть с повозки. На очередной остановке он первым спрыгнул к инструменту; пришлось самой попросить возницу подождать, пока пройдусь. Родион услышал, отложил ремень и подошёл спросить, всё ли в порядке.

— Со мной или с ящиком?

— С тобой.

— Тогда нужно было спросить раньше, чем подтягивать крепления.

Он не стал объяснять, сколько стоит испортить инструмент. Договорился о следующей остановке до длинного подъёма, а когда вернулись, положил плащ на прежнее место. Пальцы у него двигались уверенно, только один сгиб приходилось распрямлять с помощью другой руки. Поймала себя на том, что смотрю дольше, чем нужно для проверки ремня. Отвернулась к дороге.

На третьи сутки остановились у постоялого двора с низким навесом. Дождь начался ещё до въезда. Пока женщины переносили чехлы, хозяин жаловался, что дверь в общей комнате третий день цепляется за пол. Разговорился охотно, особенно узнав, какого мастера ждут у Сомовых.

Пообещала спросить, не сможет ли Родион посмотреть петлю. Но к тому времени, когда он вошёл, хозяин уже считал время осмотра согласованным.

— Сразу после ужина? — уточнил у меня.

Родион остановился с мокрой сумкой в руке.

— Что именно после ужина?

Пришлось объяснять. Он выслушал, поставил сумку и посмотрел на меня так, что вчерашняя забота о ящике немедленно перестала казаться особенным недостатком.

— Записали в дорожную артель? — спросил он.

— Только сказала, что спрошу.

Хозяин поспешно подтвердил: конечно, никакой обязанности, одно малое неудобство, а мастеру наверняка недолго. Родион попросил его пока принести ужин. Когда остались вдвоём, сказала, что отвечу хозяину сама.

— Лучше так, — согласился он. — У него дверь знакома давно, а у меня пока сапоги полны воды.

Сапоги и в самом деле пришлось поставить у очага. Вернулась к хозяину, исправила договорённость, которую он успел пересказать повару, и попросила не рассчитывать на работу сегодня. После этого села за стол и дождалась, пока принесут еду. Родион пришёл в сменной обуви, сел напротив, принял хлеб. О двери больше не спрашивали.

Рядом устроилась женщина с чехлами. Одну руку она держала под столом, второй не могла разрезать мясо. Предложила помочь. Она отказалась, затем призналась, что нужно ослабить застёжку дорожного нарукавника: пальцы затекли от мокрых ремней. За столом боялась испачкать ткань.

Отвела её к свету, подложила полотенце, спросила, какую петлю можно тронуть. Нарукавник сняли, влажный край удалось отогнуть. Женщина несколько раз согнула руку и попросила оставить ей полотенце до утра. Другой помощи не потребовалось.

Когда вернулась, Родион передвинул ко мне миску, прикрытую тарелкой.

— Знала, что у неё там?

— Нет. Спросила.

Он отломил хлеб и подал. Тарелку с моей миски снял только после того, как села.

— Получается полезно, — заметил.

Ответила, что на следующий постоялый двор запишу эту мысль ему на ящике. Родион попросил писать крупнее, чтобы мог прочитать, даже когда занят петлями. Рассмеялась раньше, чем успела подобрать достойное возражение. Женщина за соседним столом посмотрела на нас, улыбнулась и вернулась к ужину. В этот вечер еда оставалась горячей дольше обычного.

Ночью написала Авдотье, что копию везу отдельно. Письмо забрали с обычной почтой: до станции оплаченной рамы не было, ответа в дороге не ждала.

Четвёртый день начался с тумана. Обоз шёл медленно; у развилки проверяли вызовы на работу и пересчитывали груз. Мой выездной лист приняли отдельно от мастеровых документов. Родион назвал имя, показал приглашение и позволил осмотреть инструмент. Проверяющий долго искал в ящике другое назначение для складных креплений, затем всё же пропустил. Под новым именем пройти здесь было бы труднее, а не безопаснее.

К вечеру добрались до внешней гильдейской станции. Здесь предстояло переночевать; до дворца оставался ещё день. В приёмной нас ждал пакет, доставленный через действующие узлы. Сомовы подтвердили предварительный вызов Родиона, окончательный объём работы собирались утвердить после осмотра. Рядом лежала записка Каменева: просьбу принял, хотел сверить условия лично до нашего отъезда.

Родион забрал свои бумаги и прочёл вторую записку вслух. Сказал, где встретимся утром. Сначала собиралась тут же разобрать пакет вместе с ним, но он посмотрел на мокрый край моего платья и предложил оставить чтение до встречи.

В отведённой комнате наконец сняла дорожные сапоги. Ступни гудели, под пальцами остались следы от швов. За окном разгружали последний ящик. Услышала голос Родиона, велевшего не нести мой чемодан в склад вместе с инструментом, и улыбнулась, не поднимаясь с кровати.

Утром Каменев уточнил поручение: хранить бумаги, принимать сообщения и подать наружный запрос, если связь будет пропущена. Он оставался на станции, спасать людей по одному письму не обещал.

Сомовский заказ позволял Родиону отправлять малые опечатанные пакеты через гильдейскую раму за отдельную плату. До этой станции они шли не больше двух дней, людей не переносили.

Каменев принял полную копию условий. Договорились подтвердить прибытие и назначить следующую связь; при молчании он предъявит запрос о безопасности работы с наружным экземпляром. Указали, кому и как вправе выдать документы. Оплатила хранение и передачу, забрала квитанцию. Дальше до дворца ехали обычной дорогой.

За внешними воротами прежде всего услышала воду. Слева от подъезда шёл открытый желоб, дальше струя скрывалась под белым камнем. Окна в верхней галерее стояли открытыми, у лестницы сушили дорожные накидки гостей. Служители снимали багаж, проверяли вызовы и направляли людей в разные стороны. Наш обоз быстро перестал быть общей группой.

Мой лист приняли у отдельного стола. Сверили предварительные условия, попросили дать короткий личный отклик и предъявили гостевой ключ. Родион остался с мастерами и инструментом. До него очередь ещё не дошла; вместе со мной пройти он не пытался.

Глеб ждал в светлой приёмной. Встал, когда вошла, поинтересовался дорогой и предложил сесть. Рядом находилась Илария. Она посмотрела на моё дорожное платье, распорядилась приготовить воду и попросила передать документы прежде, чем начнётся разговор о покоях.

Было приятно слышать про воду. Хотелось умыться, перестать чувствовать на коже пыль и снять вещь, в которой ехала пятый день. Пока села на край предложенного кресла и разложила экземпляры так, чтобы ни один не оказался под чужой папкой.

Илария подтвердила отдельную комнату, гостевую галерею, приёмные и посещение удерживаемых. Служебные помещения — по вызову. Моей крови и силы прибытие им не передавало.

Свадебную церемонию готовили через двенадцать недель. Илария перечислила, сколько домов ещё должны подтвердить участие и какую часть покоев предстоит закончить. Её слова оставляли достаточно времени для работы. Для Саввы они означали ещё недели ожидания, если мы станем только ждать очередного согласования.

— Когда увижу людей? — спросила.

— Завтра утром, после внесения вашего прибытия в приёмную запись.

Попросила подготовить всех двенадцать из приложения. Илария назначила проводницу, Глеб подтвердил обещанный доступ.

Потом вызвали Родиона. Он стоял у стола с раскрытым заказом под своим именем.

— Гранов, — сказал Глеб. — Нам известна ваша помощь Вереску в старом крыле. Надеюсь, здесь сумеете сделать не менее надёжно.

Родион ответил, что принял конкретный заказ и сначала обследует выданные участки.

— Дворец старый, — продолжил Глеб. — Хотелось бы получить хорошее решение, а не ещё одну временную заплату. Ваши расчёты обителей в гильдии обсуждают.

— Я передам согласованную часть.

Илария прочла пределы передачи, потребовала согласовывать изменения до исполнения и выдала рабочий ключ. Маршруты у него были другие; часть помещений — только с распорядителем.

Когда бумаги забрали для последних отметок, удалось спросить Родиона, где его разместили. Назвал рабочие комнаты у мастерской. Уточнил, что первоначальный осмотр проведут утром, и попросил сообщить о посещении удерживаемых после того, как оно закончится. Догадывалась, что внутри нас разведут; теперь между комнатами появилось настоящее расстояние.

Служительница взяла мой чемодан. Родион поднял сумку с копиями с соседнего стула и подал мне. Перехватила её за ремень, не выпуская сразу. Он дождался, пока перехвачу удобнее, пожелал отдыха и пошёл за распорядителем. Глеб остался у Иларии. Меня повели по гостевой галерее.

Комната оказалась хорошей. Широкая кровать, стол у окна, отдельная умывальная с тёплой водой. На кресле лежала чистая накидка, у зеркала стояла лампа. Сначала заметила всё это и только потом — две двери. Одна вела в коридор, вторая в умывальную; шкаф открывался обычными створками.

Проверила замок изнутри и снаружи. Служительница показала звонок к посту галереи, вписала имя дежурной в карточку. Воду попросила оставить под рукой.

На пороге вспомнила оставленную у Каменева копию. Следовало отправить ему подтверждение прибытия. Мой экземпляр лежал в сумке. Дождалась, пока служительница отойдёт, и вошла в отведённую комнату сама. Закрыла дверь, положила рисунок старого шва в верхний ящик стола, рядом с условиями завтрашнего посещения. Потом сняла перчатки и подошла умываться.

Глава 5. Список оставшихся

Лада

Утром к посещению приготовили мои дорожные туфли, накидку и корзину с засахаренными грушами от Иларии. На карточке было написано, что воспитанники обрадуются угощению; нас ждали в малой гостиной хозяйственного крыла. Перед выходом успела передать в гильдейскую отправку подтверждение для Каменева: прибыли, размещены, следующее сообщение отправлю после осмотра. Теперь хотелось добраться до Саввы, пока груши не превратились в главное дело утра.

Илария встретила у перехода из женских покоев, похвалила мой вид после дороги и предложила сначала познакомиться с наставницей.

— Сначала с людьми из приложения, — попросила. — Со всеми двенадцатью.

— Двое получают лечение. Их придётся навестить отдельно.

— Тогда начнём с десяти и пойдём к остальным.

Произнести это оказалось труднее, чем вчера вписать условие. Илария была приветлива; стоило согласиться на один лишний чай, и утро ушло бы на знакомство с благополучием этого дома. Служительница взяла корзину и провела нас в гостиную.

Савва стоял у окна в новом сером кафтане. Волосы над ухом торчали, несмотря на старательный пробор. Пока шла к нему, заметила и зажившую царапину на носу, и короткую складку у рта: так бывало, когда он пытался не расплакаться при посторонних. Сам обнял меня, неловко ткнувшись подбородком в плечо. За время разлуки вытянулся; рукав оказался короче руки.

— Тебе опять подшивали с запасом?

— Запас был в другую сторону, — пробормотал он. — Наставница велела надеть парадное.

Хотелось подержать его ещё, проверить, не похудел ли, спросить сразу обо всём. Погладила вихор и отпустила. Савва рассматривал мои перчатки, словно мы расстались вчера и можно было спокойно придраться к растрескавшейся коже.

— Потом поговорим без наставницы? — спросил он, когда Илария обернулась к служительнице.

Обещать пока могла только, что попрошу. Савва кивнул без восторга и вытащил из кармана нитку, зацепившуюся за мою пуговицу. Оставила её у себя между пальцами, пока шли к столу.

Десятерых рассадили возле стола с чайниками. Фёдор Лисицын поднялся первым и назвал остальных по приложению. Имена совпали; теперь предстояло выслушать самих людей.

Попросила дать на привезённые пластинки короткие отклики для следующих встреч. Предупредила: после болезни или тяжёлой работы ритм меняется. Илария отвела стол для чтения.

Фёдор садился боком, берёг правое колено. Его привычку придерживать мизинцем край бумаги помнила ещё по дорожным ведомостям отца. Он дважды проверил, где поставит отметку, и только после этого коснулся пластинки.

— Семье за два месяца не отдали, — сказал он. — Здесь нас кормят, спорить не стану. А жена не в этом крыле живёт.

Рядом Илария попросила служительницу уточнить расчёт. Фёдор дождался, пока та откроет книжку.

— Уточняли в прошлый раз. Пусть пришлют число и сумму. Можно прямо мне, через Ладу Олеговну.

Попросила копию долга с суммой и днём выплаты, отдельно от возвращения людей. Фёдор проверил запись: хотя бы следующий ответ обещали передать ему лично.

У других заботы нашлись быстрее, чем заготовленные ответы о содержании. Женщина, чинившая тюфяки, попросила вернуть ей маленькие ножницы: большими затекали пальцы. Молодой шорник хотел знать, передали ли сестре его письмо. Повар глядел на остывавшую кашу, пока не предложила сначала доесть. Сидели без очереди, грелись у окна, давали образец по одному. Раздатчица белья выбивала короткий отклик большим пальцем, переписчик прежде касания проговаривал счёт, двое работников обозного двора, братья, сбивались на одинаковом месте, а потом расходились в ритме. У старого столяра рука дрожала. Его отметку оставила с пояснением, не принуждая повторять до красивого результата.

Савва последним провёл привычную тройную связку и задержал руку возле края стола.

— У Петра опять заканчивается лекарство. Посмотришь? Ему говорят, что всё выдано, а он ночью сидит, потому что лёжа грудь жжёт.

Илария велела вызвать лекарку. Савва посмотрел ей в лицо и добавил, что просил меня зайти, а не наказать дежурную. В гостиной стало слышно, как повар соскребает ложкой кашу со дна. Знакомое желание немедленно всех успокоить пришлось придержать. Попросила проводить нас к Петру.

Пётр лежал с одеялом, свёрнутым за спиной. Печник, сорок девять лет; в приложении о нём стояло только занятие. Соседка, Варвара, сортировала лоскуты. Отклик с обоих сняла отдельно. На двенадцатой пластинке задержала пальцы: все были здесь, живые, со своими недовольствами и привычками.

Варвара попросила приходить до обеда, пока не сводит пальцы. Возле её первого образца оставила место для повторного.

Четверых держали выданные пропуска, ещё семерых — опора крыла. Саввин носитель требовал возвращения по отмеченному пути. У Петра к запрету добавлялась поддержка повреждённых при аварии проводящих путей. Лекарка принесла расходную книжку и пузырёк. После вчерашней работы ему стало хуже; осмотр назначили сегодня, к печам запретили подходить.

Корзину с грушами поставили между кроватями. Варвара взяла одну, откусила и скривилась: приторно. Савва рассмеялся с набитым ртом. Илария уже говорила о заботе, оказанной подопечным, а мне впервые за утро не понадобилось смотреть, довольны ли они моим приездом. Пётр попросил подвинуть стул, чтобы на следующем посещении не разговаривать со мной снизу вверх. Записала и это.

На следующий день Пётр встретил нас одетым. Лекарка разбирала свежую выдачу. Приступ ослаб, но идти в мастерскую она ему не позволила. Пока беседовали, он поправлял деревянную пуговицу на жилете. Новая, светлее остальных, она уже была украшена вырезанной от скуки розеткой.

— Привык руками работать, — пояснил он, заметив мой взгляд. — Тут хоть за это в расходную книжку не пишут.

Вчерашнее разрешение включало проверку условий содержания. Илария отсутствовала; при нас оставались лекарка, служительница и страж. За открытой хозяйственной дверью виднелся знакомый мощёный двор. Через неё выносили бельё и ходили за водой.

Предложила Петру дойти со мной до порога и проверить знакомую часть пропуска. Можно отказаться, помощь с лекарством от этого не исчезнет. Он спросил, удастся ли узнать, что его держит. Обещала записать всё видимое для независимого мастера. Лекарка разрешила короткую прогулку, пока не изменится дыхание.

— Пойдём. Только без «потерпите ещё немного». Такое уже слышал.

Сверила номер пластины у Петра под воротом с записью в книге. Под рубашку уходила оплётка, сплетённая с лечебным нарукавником. Отдельный шнур держал верхний край, чтобы металл не натирал шею. Пётр сам поправил ткань: с левой стороны кожу саднило.

Дошли медленно, с остановкой у скамьи. Служительница предупредила, что на воздухе прохладно. Пётр сказал, что прохлада ему знакома. На лбу выступила испарина, однако дыхание не изменилось. У порога лекарка проверила пульс и позволила продолжить.

Дверь была открыта, створку подпирал тяжёлый обломок кирпича. Прежде прошла наружу сама. Мой гостевой ключ ответил на принимающей пластинке возле косяка, страж остался на месте. За дверью пахло золой из прачечной; женщина в кожаном переднике стряхивала с пальцев воду. Прочла дорожку за стеклом на наружной стороне косяка и вернулась к Петру.

— Дальше только ладонь, — сказала. — Если почувствуете натяжение или холод, сразу назад.

Он выбрал правую руку: левую быстрее сводило. Пальцы пересекли границу без всякой помехи. Выдвинулись костяшки, показался край рукава. Потом край пластины у его шеи нагрелся, а над принимающим гнездом проступила жёлтая черта.

Пётр замер. В нарукавнике дрогнули три последовательные нити, расход пошёл к кисти и вернулся вверх, к опоре на внутренней стене. Кончики его пальцев побледнели.

— Назад, — выдохнул он раньше, чем успела заговорить.

Подставила руку под локоть, отступая вместе с ним. Лекарка поддержала с другой стороны. Пётр убрал ладонь и сел на скамью; жёлтая черта погасла. Несколько вдохов он смотрел на пальцы, потом начал растирать их большим пальцем другой руки. Страж не приблизился. Никто не запирал дверь: во двор как раз вышел работник с пустой корзиной.

— Ещё раз не надо, — сказал Пётр.

— Не будем.

Лекарка проверила расход: сбой прекратился до ослабления основной поддержки. Дышал Пётр свободно, холод в пальцах сходил. Она осталась с ним. Вернулась на наружную сторону порога, которую разрешили осмотреть.

За стеклом сходились две ветви: лечебная и возвращавшая расход при пересечении порога. Продолжение скрывала накладка, снимать её не разрешили. Его личный отказ отчётливо читался на нарукавнике и заканчивался там же. Прекратить исполнение могли только со служебной опоры. Сняла показания с доступного края.

— Мне говорили, стоит развязать, и задохнусь, — сказал он. — Может, припугнули?

Лекарка помогла снять мягкий наружный шнур. Пластина осталась на креплении нарукавника. Поддержка шла по прежнему пути; при чтении та же ветвь запрета отзывалась в пластине. Пётр отдал мне потёртый шнур, с узелком, который день за днём затягивал на одном месте.

Разбить пластину было бы легко. Но вместе с запретом разорвали бы лечебную ветвь; что тогда случится с повреждёнными путями Петра, лекарка не знала. Я не могла отделить одно от другого на своей ступени, не видя продолжения. Ещё в столице хотелось найти готовый способ освобождения. Теперь стояла рядом с человеком, которому обещала не предлагать потерпеть, и держала бесполезный шнур.

Отдала его Петру, помогла расправить ворот. Обратно он пошёл увереннее, однако у кровати всё равно попросил лекарку ещё раз посмотреть пальцы. Она дождалась, пока согреются, и только потом вернулась к выдаче. Пётр взял пузырёк, прищурился на свет. Остаток лекарства на дне оказался заметно меньше вчерашнего.

Теперь удалось разобрать всю запись. Вечернюю выдачу увеличили после приступа, но прежнюю дневную норму в листе не изменили. Савва видел, как лекарство убывает быстрее обещанного, и был прав, хотя сами выдачи проходили вовремя. Лекарка исправила количество и вызвала запас из кладовой. Нужная смесь хранилась при этом крыле; выдавать её за ворота без отдельного разрешения она не могла.

— Если приготовят снаружи? — спросила.

Лекарка дала состав и условия хранения. Замена потребует осмотра врачом, знающим повреждение Петра. Он слушал из-под одеяла и наконец попросил не говорить о немедленном уходе.

— До лечения жил с приступами. Здесь сплю. Выйти хочу, а снова лежать где-нибудь на возу не хочу. Пока останусь.

Попросила согласия на независимый осмотр. Пётр разрешил передать запись, но захотел получить весь ответ, с сомнениями, прежде чем снова идти к двери.

Запрос о лекаре, мастере печатей и наружном запасе смеси отправила предусмотренным соглашением путём, копию — в гильдейском пакете Каменеву. Пётр спрятал свою под коробку с деревянными пуговицами: оттуда Варвара не уберёт с бельём.

Просьбу Петра прекратить удержание внесли в журнал осмотра. На действие порога запись не повлияла. У двери подождала, пока служительница освободит проход, и вышла по гостевому ключу. На дворе пришлось посторониться перед полной корзиной прачечной. Руки женщины покраснели от воды; моя перчатка держала тепло. Обернулась к открытой створке, за которой остался Пётр, и пошла искать место, где можно было дописать наблюдения без чужих подсказок.

На третий день удалось застать Родиона в свадебных покоях. По гостевому ключу дошла лишь до наружной галереи; дальше понадобился вызов. Родион работал с двумя плотниками, придерживая рейку у потолка. В большой комнате уже поставили кровать под полотняным чехлом. Увидев её, невольно замедлила шаг.

Родион показал плотникам место будущего крепления и только потом обернулся. Взгляд задержался на моём лице.

— Здесь мерить неприятно? Можем перейти.

До его вопроса собиралась выдержать положенное время возле этой кровати, словно сама себе что-нибудь доказывала. Вышли в маленькую комнату, где Родион ел и правил чертежи. Вчера не дошла до него, задержалась с описью лекарств. Теперь развернула записи о двенадцати.

Он убрал недоеденную корку, сравнил счётную пластинку с моим рисунком. Дойдя до возвратного расхода, начертил две линии рядом.

— Петра через готовую складку не ведём, — сказал он. — Пока не узнаем, чем заменить ему поддержку.

Взяла лист с его номером отдельно. Личный ключ должен был оставить Петру возможность самому прекратить приём, но изготовить такой на своей ступени пока не умела. К нарисованному выходу требовались ещё лекарство снаружи и его согласие идти.

— А остальных по одному? Как брусок у тебя в мастерской?

— Брусок не был привязан к приёмной стене. И не занимал проход, когда следующий уже входил.

Разложил двенадцать обрезков дерева. Для одного хватило маленькой рабочей рамки, которую привёз с инструментом. Положил поперёк ещё три. До четвёртого места рука не дошла: пришлось либо расширить рамку, либо снять край с удержания. На столе всё выглядело понятно. Но человеку потребуется сесть, другой задержится из-за собственного пропуска, и следующий окажется перед занятой опорой.

— Можем переносить приём по очереди, — продолжил Родион. — Но только если между участками есть где ждать. Обычное место, которое не держится на моей руке.

Знакомое раздражение шевельнулось раньше согласия. К каждой из двенадцати фамилий прибавлялось условие. Спросила, можно ли хотя бы Фёдора отправить с Саввой первыми. Родион посмотрел на раскрытый лист.

— Ты уже спросила, кто с кем пойдёт?

— Ещё нет.

Он не стал развивать. На плане нашлись две обычные комнаты в хозяйственном коридоре, освобождённые под нужды мастеров. В первой действовал водопровод, из второй дверь вела к лестнице. Путь от покоев до этой двери он уже обследовал по заказу; продолжение ещё предстояло проверить.

За дворцовой стеной подрядчикам выделили строительную площадку. Там уже лежали оплаченный камень и брусья, стояли две стяжки для будущего основания обители. Родион привёз оттуда мерную ведомость; надёжный образец ещё предстояло собрать.

Родион искал ведомость, держа карандаш губами. Захотелось вынуть его и поставить чашку подальше от локтя. Ограничилась чашкой. Он передвинул её обратно: с другой стороны стекала вода с положенной у окна рейки.

— У тебя для этого места запасена еда? — спросила.

Он кивнул на свою корку.

— Для двенадцати человек.

— Тогда нет.

Рассмеялись. На плане припасам отвели целый угол; настоящей еды не хватило бы до вечера. Узнаем цены, приготовим воду, еду и одеяла в обычных комнатах. Часть оплачу сама. Петру требовался другой запас, его строка оставалась открытой.

Через дверь было слышно, как плотник выругался из-за выскочившего клина. На звук приближавшихся шагов закрыла список. Вошёл человек в тёмном рабочем кафтане с узкой красной отделкой на рукавах. Представился Линь Цзе, назвал Алую Нить и предъявил назначение на проверку переходов. По отметке школы и короткому обмену с Родионом стало ясно: четвёртая ступень. Начал с вопроса, когда можно занять внутренний коридор, не помешав плотникам.

Родион развернул перед ним ремонтный план: соединения по заказу, места отдыха смены, наружную приёмку материала. Линь слушал внимательно и на обозначении прохода у кладовых остановил палец.

— Вы снимали его утром?

Дошли до самой лестницы, где заканчивалось моё разрешение. Отсюда виднелась латунная метка на косяке, перенесённая Родионом на чертёж у правого края.

Линь дождался, пока по коридору пронесут бельё, коснулся служебной нити и передвинул метку в нижнее гнездо. Отклик принимающей стороны изменился, хотя дверь осталась на месте.

— При смене приёма переставляют, — объяснил он. — Это второй дневной ход. Здесь будет другой расход. Если считать по утреннему, нагрузка вернётся к вашему креплению.

В ведомости было только верхнее положение. Родион сверил время и записал переключение. Линь велел дополнить обе копии: неисправную работу принимать не собирался.

Поблагодарив за поправку, вернулись в маленькую комнату. Линь ушёл к распорядителю. Хотелось немедленно проверить все двери, будто усердием можно наверстать незнание. Родион сел и заново вывел принимающий участок с двумя положениями метки.

Развернула список рядом, пока он считал. За окном уже потянуло едой из хозяйственной кухни. Услыхав звон посуды, Родион отложил карандаш и спросил, ела ли сегодня. В ответ подвинула к нему половину припасённого пирожка. На две комнаты, наружный двор и двенадцать человек чернил ушло мало; просидеть над ними без обеда было проще, чем мне хотелось признавать.

На четвёртый вечер Глеб пригласил к ужину распорядителя ремонта и мастеров. В длинной столовой у женских покоев обсуждали, что успеют закончить до свадьбы. Мне досталось кресло рядом с хозяином. Напротив, через два места, сел Родион в чистом кафтане. Тёмный

ворот оттенял раннюю седину у виска. Пришлось некоторое время рассматривать собственную тарелку.

Глеб проследил за моим взглядом. Поинтересовался осмотром свадебных комнат и предложил повторить его после натяжки потолочного полотна. Ответила, что сначала мастерам нужно закончить обследование. Родион назвал готовые участки. Разговор перешёл на стоимость камня; можно было поесть без записной книжки.

Глеб сам положил мне на тарелку кусок рыбы, предварительно вынув длинную кость. Помнила, как он распоряжался встречей с Саввой через раму. От заботы о мелкой кости это воспоминание не исчезало. Рыба была хорошая, есть хотелось. Поблагодарила и отказалась от добавки.

— Савва спрашивал о тебе, — сказал Глеб. — Сегодня ему вернули учебную коробку после проверки крепления. Можешь забрать его завтра на занятие.

— Куда забрать?

— К себе. Сколько можно встречаться с братом перед строем служащих?

За спором об известняке негромкий разговор оставался почти неслышным. Уточнила, пропустят ли брата в гостевую галерею. Глеб улыбнулся шире.

— Для этого и предлагаю. Всё ещё ждёшь от меня подвоха в каждом слове?

Ждала. Напомнила, что Савву провели лишь до внутренней гостиной. До моей комнаты было два охраняемых перехода; одной милости за ужином могло не хватить дежурному на втором.

— Сделаю отдельное разрешение, — сказал Глеб. — После утреннего урока он сможет приходить на час. С сопровождающим до твоей двери, дальше побеседуете одни. Тебе подходит?

Спросила, не отнимут ли эту встречу у общего осмотра двенадцати. Глеб негромко засмеялся.

— Лада, хоть иногда принимай подарок, не превращая его в допрос. Общий доступ остаётся. Пусть завтра предъявят тебе маршрут и отметку для поста.

Савва просил поговорить без наставницы. Мне тоже этого хотелось. Повторила обещанное вслух. Глеб подтвердил, наклонился ближе и положил руку мне на талию. Ткань натянулась под его ладонью, и прежде, чем успела отодвинуться, стало жарко от злости.

— Убери руку, пожалуйста.

Не повысила голоса, но ближайшие собеседники смолкли. Глеб посмотрел на меня, потом снял ладонь и взял свой бокал. Больше удерживать не пытался. Распорядитель ремонта торопливо вернулся к поставкам. Родион сидел неподвижно, прижав к столу сложенную салфетку. Когда служительница потянулась заменить ему тарелку, он не сразу убрал руку с салфетки.

Глеб попросил передать соль и заговорил о занятии брата. Хотелось встать. Осталась до конца горячего, спросила распорядителя о расходах на две комнаты: смету принесут после уточнения работ. Голос звучал спокойно, а ладонь на талии всё ещё чувствовалась сквозь платье.

Глеб задержался с распорядителем. Служительнице продиктовала обещанные условия для Саввы и окликнула Родиона, уже дошедшего до лестницы. Он вернулся, оставив проход другим.

— Ты слышал, о чём он говорил? — спросила.

— Про брата. Остального отсюда не было слышно.

У стены под лампой это расстояние казалось почти домашним. Хотелось услышать от Родиона что-нибудь нужное; какое слово помогло бы, сама не знала. Он посмотрел на дверь столовой.

— Зачем согласилась сесть так близко?

— Моё место указали при входе.

Он стиснул губы, опустил глаза на собственные руки. Злость, с которой вышла из-за стола, теперь легко могла достаться ему. Всё-таки дождалась, пока поднимет голову.

— Спросил не о том, — сказал он. — Он больше не трогал тебя?

Покачала головой. Родион выдохнул и отступил от дороги носильщика с подносом. Двигаться стало неловко: возле стены стоял цветочный столик, длинная ветка цеплялась за рукав. Осторожно освободила ткань. Этот возмутительно обычный цветок помог договорить без резкости.

Рассказала об обещанном часе с Саввой после урока, двух переходах и сопровождающем до двери. Завтра покажут маршрут. Чуть не назвала приход свободным — разрешение ещё предстояло увидеть.

— Проверим оба перехода, — сказал Родион. — По отдельности. Чтобы первый не пропустил, а второй не вернул его назад.

— И чтобы Савва сам хотел прийти. Может, ему надоели наши занятия.

Впервые за вечер уголок его рта дрогнул.

— Предложи не заниматься.

Предложение оказалось хорошим. Брат мог просто сидеть у окна, есть несладкое печенье, рассказывать о шорнике или молчать. Обидно было получать такой вечер на условиях Глеба. Родион спросил, когда принесут разрешение, и уже потянулся к карману за карандашом. Поймала себя на желании остановить его руку, задержать разговор ещё ненадолго. Вместо этого назвала утренний час.

Договорились завтра после десяти встретиться у мерного стола на четверть часа, прочесть выданную отметку и решить, что проверять на месте. Родион убрал карандаш, так ничего и не записав, повторил время. Хотелось добавить к этим пятнадцати минутам ещё немного, без бумаги и чужого пропуска. Спросила только, успеет ли позавтракать. Он ответил, что оставит мне место у окна, если плотники опять не займут его рейками. На лестнице разошлись в разные стороны; до своей комнаты шла медленнее обычного, представляя этот стол при утреннем свете.

Глава 6. Чертёж с одним хозяином

Родион

К десяти Родион освободил у окна место, убрал рейки и поставил вторую чашку. Лада пришла с листом предполагаемого маршрута для Саввы. Первый пост в него внесли, второй ещё не подтвердили; обещанное Глебом разрешение пока оставалось проектом. За четверть часа успели отметить недостающее. Родион предложил проверить оба перехода после выдачи настоящего пропуска и проводил её до галереи. Когда вернулся к столу, увидел на её блюдце недоеденный ломтик яблока. Она успела выпить чай, но не доесть. Почему-то захотелось оставить чашку до обеда.

На приёмке ремонта за его спиной стояли распорядитель и принимающий мастер. Проверили крепления двух косяков, открыли и закрыли обычную дверь. Плотники сняли подпорку. В назначенную Родиону часть работы входил ещё узкий складной проход между обследованными нишами, позволявший носить инструмент без обхода через занятый зал. В раскрытой складке виднелся конец деревянной лавки; по обычному коридору до неё шли через две комнаты.

Родион прижал опорную пластину ладонью. Принимающий мастер четвёртой ступени поднял свою половину крепления. Сначала всё получилось: лавка оставалась видна, сквозняк тянул к залу. Затем Родион начал убирать руку. Угол на дальней стороне сместился к его пальцам, из щели пахнуло свежим раствором. Мастер подхватил расход, но вместо продолжения прохода получил отдельное глухое гнездо.

— Стойте, — сказал Родион.

Они вернули нагрузку на прежнее крепление. Никого в складку ещё не пускали. Через минуту можно было снять питание и пройти за забытой рейкой обычным путём. Случившееся не походило на обвал и не оставило даже трещины, которую удобно было бы обвинить в неудаче.

Без раскрытия повторили передачу. Чужая рука работала исправно; дальняя сторона всё равно отвечала только Родиону.

Укрепление косяков приняли, проход записали действующим при исполнителе. За самостоятельную передачу не заплатили. Родион не стал обещать срок исправления: пока его не знал.

После полудня он вышел на строительный двор за стеной. Здесь уже уложили нижний ряд камня, под навесом лежали сухие брусья, отдельно хранили оплаченные проводящие вставки. Для будущей обители отвели настоящую площадку с подъездом и водоотводом. Грязь под сапогами была настоящая тоже: с крыши соседнего сарая капало как раз на короткий путь к навесу.

По настилу прошёл к дальнему креплению и проверил его. На бумаге большая светлая комната начиналась над ним и разворачивалась в объём, которого во дворе пока не существовало. Он годами исправлял этот расчёт, представлял, как там ляжет вечерний свет. Теперь возле края листа появилось замечание чужой рукой: «Смена не принята».

Пятой ступени хватало держать узкую складку самому. Самостоятельный жилой объём требовал другого ответа опор. Если попытаться замкнуть его при нынешней зависимости, перестройка потянет через проводящие пути Родиона весь предусмотренный запас. Он не знал, где остановится расход, и не собирался узнавать это с людьми внутри.

Записал признаки остановки: смещение угла, возврат нагрузки к руке, невозможность передать участок. Вычеркнул две некупленные балки. Комната станет меньше, зато останется запас на прекращение.

Независимую проверку назначали на станции через два дня. Родион вложил протокол неудачной передачи в пакет для Каменева, не подменяя её красивым общим чертежом. К

вечеру на манжете присох раствор, чашку Лады уже унесли. Он вымыл руки, переписал заявку на меньшую площадь и отправился выяснять, с какой утренней подводой можно выехать к станции.

На станцию добрался к вечеру следующего дня, на подводе с оконными переплётами. Коробку держал коленями и жалел, что не подложил под спину одеяло. Утром Егор встретил с присланной ведомостью, назвал свободный час и проводил к площадке.

Там работал Линь Цзе. По служебной заявке он проверял новый крепёж для дворцовых переходов; на той же площадке стояла переносная рама Родиона. Деревянный настил разделяли переставные метки. За ним оставался свободный обычный проход, возле ограждения дежурил гильдейский смотритель. Линь ходил между двумя столбами, переносил принимающую часть на ладонь, затем на вторую опору. Удерживался каждый раз один небольшой участок. Стоило попытаться развернуть его дальше плеча, соединение начинало дробиться. Он прекращал расход и возвращался к началу.

На запястье под манжетой проступали старые белые полосы от рабочих креплений. Движения были выучены лучше, чем получался общий результат. Родион узнал упражнение перед самостоятельным полем: сам когда-то месяцами не мог убрать лишнюю опору. До пятой ступени Линь ещё не дошёл, но безупречный перенос короткой части не возник у него за вчерашний вечер.

— Ваш поворот всё ещё возвращается к вам? — спросил Линь, заметив его.

— При передаче. Сам проход работает.

— С подвижной разметкой покажете?

Каменев проверил границы и нагрузку, смотритель принял условие остановки по первому требованию. Обе стороны складки Родион осмотрел ногами; обычный путь оставался свободен. Требовалось коснуться метки на столбе, не пропустив касания плеча. На учебные клинки поставили накладки.

Первая попытка закончилась быстро. Линь переставил нижнюю метку, принял расход правой опорой и ушёл от прямого сближения на боковую доску. Родион расправил собственное поле вдоль уже обследованной складки, продавил встречный приём и оказался у столба раньше, чем второй клинок успел закрыть ему путь. Коснулся дерева, удержав лезвие далеко от лица соперника.

Смотритель отметил результат. Линь отошёл, снял нагрузку с доски и предложил проверить тот же проход с другим положением разметки.

На этот раз Родион заметил движение его ноги и не стал ловить клинок. Подхватил ближайшую опору, чтобы удержать линию, по которой уже успешно прошёл. Успел приблизиться, вынудил Линя отступить к ограждению. Общей силы по-прежнему хватало. Но под пяткой сдвинулась принимающая метка, и на середине шага пришлось остановить складку собственной рукой. Слева оставалась свободная доска; перейти к ней, сохранив прежний приём, он не мог.

Линь не бил. Положил плоскую сторону клинка ему на плечо и подождал, пока Родион устойчиво встанет на настил.

— Пятая ступень сильнее, — сказал он. — До столба вы дошли. Только продолжение у вас каждый раз здесь.

Клинок коснулся рабочей повязки Родиона. Тот отступил и с досадой перехватил рукоять. Возразить хотелось хотя бы против слова «каждый»: смотрели две попытки, а он строил двери гораздо дольше, чем этот человек служил проверяющим. Затем увидел, что Каменев обвёл на схеме тот же участок. Егор ничего не добавил; подвинул бумагу ближе.

— Метку переставили после входа, — сказал Родион.

— Да. Так будет при смене принимающего. Ему ведь разрешат выбрать другое место?

— Место будет оговорено.

— Тогда пусть он сам его удержит. Сейчас ему передают вашу руку вместе с дверью.

Родион убрал клинок. Мастер школы, державшей людей за личной опорой, охотно разобрал чужую неисправность. О двенадцати перед смотрителем говорить не собирался. На чертеже сам обвёл место передачи.

Младший помощник Алой Нити принёс сменную пластину. На вид ему было лет двадцать. Он держал правую кисть под мышкой; на рабочем листе стояла утренняя отметка начала смены. Смотритель предложил повторить удачное сближение с полной подпиткой: для ведомости не хватало второго устойчивого результата. Помощник потянулся к гнезду общего питания. Линь остановил его, прежде чем тот успел присоединиться.

— Он закончил смену, — сказал Линь.

Смотритель показал на оставшуюся долю запаса. По книжке её хватало для короткой пробы. Линь попросил помощника раскрыть ладонь. Пальцы разгибались с задержкой.

— В книжке расход. Руку вижу здесь. Повторим после отдыха.

Он забрал принесённую пластину и сам отключил гнездо. Смотритель вписал перенос, помощник отошёл к скамье. Линь не стал ни оправдываться перед Родионом, ни объяснять честь своей школы. Вернулся к двум столбам и начал прежнее упражнение без подпитки, на меньшем участке.

За своим столом Егор сравнил обе неудачи. Усиление вставки не помогло бы: без автора терялся принимающий край. Подписал вывод и отказался признавать самостоятельный объём.

Родион уже приготовился объяснять, какая часть будет закончена до испытания, но вместо этого спросил, за что именно заплатил. Егор пересчитал отведённые минуты, приложил два отмеченных листа и назвал стоимость следующего чтения после исправления. Ничего утешительного в цене не было. Зато появилась работа, которую можно проверить без похвалы и родового покровительства.

К концу часа Родион сам перерисовал участок передачи на отдельный лист. Линь за ограждением снова дошёл до предела малого приёма и остановился. Неудача повторилась без зрителей, затем ещё раз. Родион убрал лист в папку, вымыл с лица пыль и пошёл заказывать место на обратной подводе: во дворце его ждала проба с Ладой, и до неё оставался ещё целый дорожный день.

Обратный путь занял следующий день. Наутро Родион пришёл в ремонтную мастерскую раньше назначенной пробы и разложил два комплекта простых медных пластинок. Для Лады оставил место справа, где было светлее. Лада посмотрела на придвинутую лампу и, садясь, сняла перчатки без привычного взгляда на дверь.

Саввиного пропуска ещё не дали: распорядитель по-прежнему обещал отметку второго поста позднее. Лада убрала переписку и достала учебный нарукавник. Сегодня личный отказ должен был отключить только настольное гнездо.

Обычную дверь Родион оставил открытой. Своим полем печать не поддерживал: нужно было увидеть, что сможет унести человек после ухода Лады.

Первые минуты она показывала образец. Провела линию на меди, придержала край, велела подать короткий отказ. Он сделал это раньше, чем закончила объяснение. Пластинка нагрелась, гнездо отозвалось и осталось включённым.

— Второе касание после отклика, — сказала Лада. — Ты начал раньше.

— Отклик уже был.

— Не тот, которого ждала.

Она взяла его запястье, развернула ладонь и направила большой палец. На этот раз получилось. Родион посмотрел на погасшее гнездо, потом на её руку поверх своей.

— Хорошо. Теперь дай сделать мне.

Лада не сразу отпустила. Он тоже не стал ждать и, едва освободившись, повторил движение быстрее. Привычно подправил неверно положенный край меди. Зацепил вторую линию, разорвал ей питание. Гнездо погасло по совсем другой причине.

— Получилось? — спросил он и сам услышал, как торопится.

— Если цель — сломать крепление.

Она положила испорченную медь перед ним. След ногтя на сорванной линии был отчётливым.

— Давай медленнее, — предложил он.

Лада взяла новую медь. Начала объяснять, опять потянулась к его кисти и остановила руку над столом. Родион успел заметить улыбку прежде, чем она заговорила.

— Пока только словами. А то выйдет: уходить можешь куда хочешь, если возьмёшь меня за рукав.

Он рассмеялся, глянув на собственную раму у стены. Лист с замечаниями Каменева лежал лицом вниз, но заключение Родион помнил прекрасно. Разложили новую пару и повторили. Медленно получилось хуже, зато ошибку удалось увидеть до конца: без её поддерживающего касания отклик ослабевал ещё на столе. Родион дошёл до открытой двери, а вернуть отказ на учебное гнездо уже не смог.

Лада прекратила пробу и села, потирая большой палец. Родион подвинул воду. Хотел показать другой поворот и начал чертить раньше, чем она закончила запись. Убрал карандаш.

— Это твоё упражнение, — сказал он. — Покажи, где можно менять.

Она перечеркнула один его поворот и сохранила второй. Пока делала пояснение, край рабочей повязки на его руке соскользнул. Повязкой он поддерживал старый негнущийся сустав после долгих передач; под тканью от давления побелел рубец. Лада заметила это, потянула завязку и высвободила край.

— Так давит?

— Сейчас уже нет.

Он мог поправить ткань сам. Однако её пальцы оставались на его руке, и возражать против этой помощи не хотелось. Лада разгладила складку большим пальцем, задержалась возле костяшки. Родион почувствовал тепло там, где обычно замечал только неудобство старой травмы. Медная пластинка лежала между ними; он отвёл её подальше, чтобы не царапнула Ладино запястье.

Лада посмотрела на него. Он сидел достаточно близко, чтобы заметить светлый волосок у её виска и след от перчатки на коже. Захотелось придвинуться ещё, услышать, как она заговорит совсем тихо. Он удержал руку на столе. Лада первой убрала пальцы, принялась сматывать оставшуюся ленту и уронила её. Наклонились оба; Родион поймал конец прежде, чем тот закатился под скамью.

— Завтра вечером у тебя есть час? — спросил он, выпрямляясь.

Лада не сразу ответила. Собрала ленту, положила возле пластинок.

— Для продолжения?

— Без продолжения. Можно посидеть.

— Без этого? — Она указала на его чертёж.

— Без этого тоже.

Договорились о малой гостиной с восьми до девяти. Раньше Лада не успевала закончить осмотр и переодеться. Обещал прийти к восьми. Уже хотелось увидеть её за другим столом, без меди и чужих креплений.

На следующий день работа закончилась вовремя. К ужину он успел сверить новые вставки, отдать плотникам мерную ведомость и запереть инструмент. До встречи оставалось больше часа. Можно было вымыться, сменить кафтан и пройти в гостевую часть по оставленному вызову. Вместо этого Родион сел на край кровати с большим чертежом.

Вспоминал, как Лада сказала про чай. Через несколько дней они будут встречаться так же, потом понадобится объяснить, почему в один из вечеров он хочет остаться один. От её имени уже вообразил и вопрос, и недовольство, хотя вчера она только согласилась на предложенный им час. Следом подумал о своём роде, готовом вписать каждого полезного человека в общий порядок. С этими людьми он умел спорить. С женщиной, к которой хотелось прийти, спорить заранее было стыдно и всё же привычно.

На чертеже не нравился разворот окна большой комнаты. Переделка не относилась к завтрашней сдаче и не помогала принять чужую руку, зато обещала приятный результат. Родион расчистил стол, достал линейку. До восьми ещё оставалось время.

Часы в коридоре он услышал отчётливо. Успел бы отправить служителя с предупреждением, даже если решил продолжить. До дверного звонка было несколько шагов. Родион посмотрел на него, затем снова на лист. Пересчитал поворот, который мог оставить до утра. Чуть позднее решил, что объяснит при встрече: не являться же сейчас на остаток часа с извинениями с самого порога. Когда пробило девять, рисунок окна стал лучше. Он ещё несколько минут водил карандашом по уже найденной линии, потом положил его и сел, не раздеваясь.

Ночью написал письмо. Зачеркнул начало о работе и неверном времени: время выбрал сам. Осталась половина листа — не пришёл, мог предупредить и не предупредил, просит прощения за потраченный час. Подписал Ладино имя снаружи и оставил возле лампы.

Утром служитель предложил взять и этот лист. Родион потянулся, остановился: хотелось сказать самому, сразу увидеть её лицо. Убрал письмо в карман. Служитель ушёл с ведомостью; встречи с Ладой в этот день не было.

До полудня ходил за меркой, лежавшей в ящике, исправлял и возвращал один размер. Окно вышло хорошим. Ничего это не оправдывало.

В галерее встретил Глеба с распорядителем. Тот обсуждал подготовку гостевых покоев; Родион посторонился у окна, ожидая, когда пронесут длинную скамью. Глеб остановился рядом.

— Вчера служительница искала вас после восьми. Не нашла в мастерской.

— Был у себя.

— Значит, не сумела обратиться. Лада заказывала чай на двоих. Дежурная спрашивала, оставить ли накрытый стол до смены.

Родион посмотрел на него. Глеб поправил застёжку на запястье и продолжил тем же спокойным голосом:

— Если вам трудно следовать расписанию, можно передавать ей только готовые результаты. С ожиданием мы разберёмся.

Родион хотел ответить, что его отношения с Ладой не касаются жениха. Но о том, что ей следовало делать с названным часом, вчера распорядился сам. Чтобы узнать про накрытый стол, хватало расспросить дежурную. Родион сказал только, что ответит Ладе лично. Глеб пожелал удачной работы и пошёл за скамьёй к распорядителю.

Записку от неё принесли после обеда. На бумаге стоял входящий рабочий номер. Текст был коротким: при невозможности прийти в названный им час она просила предупреждать. Рабочую проверку продолжали на прежних условиях, уточнённую схему следовало прислать отдельно. Подпись стояла полная, без приветствия.

Прочёл дважды. Как долго она сидела перед второй чашкой, не знал.

Мог вложить ночное письмо в рабочий ответ. Опять представил, как Лада читает без него, и оставил его на столе. Отправил поправку к гнезду и просьбу назначить личный разговор.

Ответ должен был уйти с вечерней почтой и попасть в гостевую часть утром. Родион сдал его сам, вернулся, положил письмо с извинением в карман чистого кафтана. Нужно было

дождаться назначенного часа и освободить его. Он перечеркнул в завтрашнем рабочем листе необязательную доработку.

Вечером убрал красивую комнату в отложенные решения. Положил перед собой заключение Каменева, начал новый рисунок с принимающей стороны. Для расчёта второго мастера оставил место, своей подписью его не заполнил.

Глава 7. Время, которого не назвали

Лада

Утром вместе с рабочей почтой принесли два листа от Родиона. На первом была поправка к учебному гнезду, на втором он просил назвать время для личного разговора. Извинений не оказалось ни на одном. Перечитала короткую записку, словно при третьем чтении между обращением и подписью могло появиться объяснение, потом перевернула её и стала разбирать чертёж.

Схема была полезной. От этого сердилась ещё больше. Позавчера целый час просидела в малой гостиной, откуда велела заранее убрать ведомости. Переоделась, попросила чай без добавок, принесла книгу, чтобы не выглядеть ожидающей, и не прочла даже страницы. После половины девятого дежурная спросила, не нужен ли второй чайник. Ответила, что не нужен. В девять позвала убрать чашки и только тогда смогла встать, будто раньше этого времени уйти мне запрещали.

Запрет придумала сама. Идти искать человека, который сам предложил увидеться, не хотелось. Теперь возле толковой служебной поправки стояла просьба вновь освободить для него время, и рука потянулась написать самый неудобный из возможных часов. Заметила это, отложила перо. Для разговора подходило четыре пополудни. Назвала четыре, уточнила малую гостиную и отправила ответ.

До обеда собиралась свести личные записи. Ответ о Фёдоровом жалованье признавал два месяца долга, даты выплаты не было. Убрала его к предстоящему посещению. Родионова записка оставалась на столе; она ничего не говорила о том, хочет ли он ещё встречаться.

Глеб пришёл с разрешением для Саввы. Дежурная объявила его прежде, чем впустить, и разговор состоялся в приёмной возле моей комнаты. Он положил на стол настоящий пропуск, а рядом — заверенную выписку для двух постов. Отметки хозяйственного крыла и гостевой галереи были на месте.

После урока Савве разрешалось прийти ко мне на час. Сопровождающий ждал за дверью; можно было проверить личный носитель. Доступ к остальным одиннадцати сохранялся. Оставила себе оба экземпляра.

— Разумеется. Для тебя и принёс.

Он сел напротив, хотя чая ему ещё не предложили. Оглядев стол, задержал взгляд на сложенной Родионовой поправке. Надпись была обращена ко мне, содержание отсюда прочесть он не мог.

— Мастер всё-таки прислал результат?

— Прислал.

— Хорошо, когда хоть в работе можно положиться на человека.

Подвинула пропуск Саввы ближе к себе. Глеб говорил так, словно вывод о Родионе уже сделали до моего прихода и осталось только выдать его вместе с документами.

— Ты задержал разрешение на неделю, — сказала. — Теперь оно получено. Спасибо. О мастере поговорю с ним.

— Его задержали на согласовании. На втором посту другой порядок приёма.

— Поэтому и просила проверить оба.

Глеб провёл пальцем по краю выписки, остановился возле нужной отметки. Отдавать в придачу собственную обиду не хотелось.

— Лада, ты ждала его вечером. Дежурная не знала, убирать ли стол. Не требуется быть врагом Гранова, чтобы заметить, как он с тобой обращается.

Услышать про стол от него оказалось хуже, чем вспомнить самой. Захотелось назвать Родиона бессовестным и принять приготовленное сочувствие. Глеб не торопил. Перед ним лежал пропуск Саввы, передо мной — записка человека, который не пришёл.

— За Савву благодарна, — сказала. — Разговор о вечере продолжать не стану.

— Тебе не обязательно оправдывать мастера.

— Пока даже не знаю, что случилось.

Встала с обоими экземплярами разрешения. Глеб поднялся вслед. Попытался было сказать ещё что-то про заботу, но дежурная подошла уточнить время приёма Саввы. Подтвердила час после урока, попросила заранее уведомить второй пост. Он распрощался, пожелав хорошей встречи. Дверь за ним закрыла служительница.

Выписку убрала в папку. Из-за злости на Глеба нельзя было оставить Савву в крыле, как и из-за злости на Родиона — объявить собственную помолвку удачным выбором.

Савва добрался после урока, немного запыхавшийся. Первым делом оглядел комнату и спросил, всё ли это теперь моё. Пришлось объяснить разницу между гостевыми покоями и собственным домом. Он пощупал резной край стола, уселся на стул и с явным удовольствием вытянул ноги: наставницы не было, замечания делать некому.

Учебную коробку положил рядом. Хотела сразу проверить крепление, о котором говорил Глеб, но Савва попросил сначала чаю. Принесла чашку. Он рассказал, как повар хозяйственного крыла поссорился с новым кухонным мальчиком из-за способа чистить репу, изобразил обоих, запутался в голосах и рассмеялся. Разговор получился бестолковым и хорошим. За весь час лишь однажды сверилась с часами, чтобы успеть вернуть его по пропуску. Перед уходом Савва сам подал коробку, а потом спросил, когда можно прийти ещё.

К четырём в малой гостиной освободили стол. Родион пришёл за несколько минут до часа, остановился у двери, пока дежурная не объявила его, и сел напротив. Чистый кафтан сидел на нём непривычно гладко. На манжете всё равно нашлась короткая нитка; захотелось снять, как будто после этого разговор стал бы легче. Руки оставила у себя на коленях.

Он положил на стол папку и сложенное письмо.

— Прости. Я не пришёл, потому что испугался и засел за переделку окна. Предупредить мог. Не предупредил.

Приготовленные вопросы пришлось начинать заново.

— Чего испугался?

— Что за этим часом появятся все остальные. Что потом нельзя будет уйти, не объясняя, почему хочется побыть одному. Встречу сам предложил, а дальше придумал за тебя.

Удобнее было бы узнать, что с ним случилась беда. Передо мной сидел здоровый мужчина, выбравший переделку окна. Он не оправдывался, и сердиться приходилось без утешения.

— Ты был занят срочной работой? — всё-таки спросила.

— Нет. Переделку можно было оставить. Часть вообще убрал из первого проекта.

— Но её ведь пришлось бы закончить, и ты...

Замолчала. Сама подбирала ему оправдание, чтобы не чувствовать себя отвергнутой. Родион не подхватил подсказку.

— Когда не пришёл, думала, тебе расхотелось, — сказала. — Это обидно. Но и тогда можно было предупредить.

— Расхотелось идти в то, что успел себе представить. К тебе хотелось.

Стало тепло, и тут же захотелось усомниться: хорошие слова произнести легче, чем прийти. Провела пальцем по шву перчатки.

— Гостиную освободили с восьми до девяти. В девять ты мог уйти. А мог вовсе отказаться. Если бы послал записку, осталась бы недовольна, зато вечер провела бы по своему усмотрению.

Он кивнул. На низком стуле сидел ссутулившись; другой пока не предлагала. Снаружи звякнули ложки, и снова вспомнилась пустая вторая чашка.

— Письмо написал сразу. Утром мог отправить. Оставил, чтобы отдать при встрече, которой ещё не было.

Сгиб залоснился о ткань кармана. Прочла: то же, что он только что сказал. Письмо всё равно оставила у себя. Родион вынул ещё один лист.

— Два промежуточных приёма. Непроверенное отмечено. Можешь показать другому мастеру. Работа останется у тебя, даже если больше не захочешь со мной видеться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.